ОТ ЗВЕЗДЫ ПЛАТФОРМЫ WATTPAD

РОМАНЫ АВТОРА ПРОЧИТАЛИ БОЛЕЕ 13 000 000 РАЗ

САБИНА РЕЙН

18+

ОТТЕНКИ МОЕГО БЕЗУМИЯ

«Горячая история о зарождении чувств и первой настоящей влюбленности». – Фан сообщество Анны Тодд

Сабина Рейн

Оттенки моего безумия

Серия «Young Adult. Инстахит»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57408997
Оттенки моего безумия: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-114091-5

Аннотация

Je préfère mourir dans tes bras que de vivre sans toi – лучше умереть у тебя в объятьях, чем жить без тебя. После окончания школы Хейли Фейз поступает в Нью-Йоркский университет. Учеба для нее всегда стояла на первом месте, но после знакомства с парнями из «братства» в девушке просыпается желание оторваться, почувствовать всю прелесть свободы и безбашенных университетских тусовок. Но может ли она слепо доверять парням? Особенно тому, с кем знакома еще со школы и в которого много лет была влюблена? Мрачный, отталкивающий и вместе с тем безумно притягательный Блейн Телтфорд. Устоять или сдаться?

Содержание

Оттенок первый 5
Хейли 5
Оттенок второй 30
Блейн 30
Оттенок третий 53
Хейли 53
Оттенок четвертый 70
Блейн 70
Оттенок пятый 89
Хейли 89
Оттенок шестой 116
Блейн 116
Оттенок седьмой 137
Хейли 137
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Сабина Рейн
Оттенки моего безумия

В коллаже на обложке использованы фотографии: © Alones, KingJC / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Рейн С., 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Оттенок первый

Хейли

Он сидит напротив, разговаривает с Ланой.

Я хочу, чтобы он ушел, меня смущает его присутствие. Но уйти почему-то должна я.

Каждый четверг один парень из братства приходит к моей соседке, чтобы неплохо провести с ней время. Я покидаю общежитие ровно в шесть вечера и гуляю по городу до десяти. Мне это не нравится, но я настолько слабохарактерная, что не могу возразить. Как бы сильно меня ни раздражало происходящее, я обязана молча встать и удалиться.

Вот и сейчас я жду, когда стукнет ровно шесть. Мне не важно, что осталась всего одна минута: я уйду только тогда, когда стрелки часов достигнут нужной цифры, ни секундой раньше.

Не спеша убрав книгу в тумбочку, я встаю и направляюсь к шкафу. Они следят за каждым моим движением: ждут, когда я наконец-то ретируюсь и оставлю их наедине.

Блейн Телтфорд, парень, который приходит к Лане, учился со мной в одной школе. Скажу больше: я была в него влюблена. Увидев его в университете, я сильно удивилась. Он был лучшим учеником, и ничто не мешало ему посту-

пить, скажем, в Гарвард. Что же случилось, что он поступил именно в Нью-Йоркский университет?..

Я переодеваюсь в ванной и выхожу. Прежде чем хлопнуть входной дверью, поворачиваюсь к Лане и говорю, зная, что Блейн не понимает по-французски:

– J'en ai marre de partir chaque fois qu'il vient![1] – После чего исчезаю.

Проходя мимо ресепшена, улыбаюсь даме за стойкой и получаю в ответ взаимную улыбку. Мне хочется спросить у нее, почему она пускает Блейна в женское общежитие. Лана никогда его не встречает, только открывает для него дверь нашей комнаты и посылает мне многозначительные взгляды в жанре «проваливай».

Мы с соседкой никогда не были близкими подругами, но мне, как человеку, мечтающему заниматься серьезными расследованиями, удалось узнать ее слабости и некоторые тайны. Если возникнет необходимость, я смогу использовать эту информацию.

Однако сейчас не об этом. А о том, что я больше не собираюсь уходить. Мне тоже хочется отдохнуть вечером, поваляться на своей кровати! Блейн ходит к Лане уже достаточно долгое время, и, если честно, я без понятия, на сколько еще хватит моего терпения. Уверена, что наступит момент, когда я разозлюсь, сложу руки на груди и твердо скажу «нет». Пусть ищут себе другое место для развлечений.

---

[1] Мне надоело уходить каждый раз, когда он приходит! *(фр.)*

Эти двое ведь даже не встречаются. Мне непонятно, почему Лана позволяет свободно пользоваться своим телом. По правде говоря, ветреной ее назвать нельзя, потому что в нашей комнате за все время не было ни одного другого парня, кроме Блейна. Я пыталась однажды узнать, почему она так небрежно относится к себе, но в ответ Лана просто махнула рукой и сказала, что вольна поступать, как хочет.

Покинув общежитие, я направляюсь к парковке. Нахожу свою машину, падаю на водительское сиденье и уже собираюсь выехать, как вдруг по капоту ударяет ладонями взявшийся из ниоткуда Зак, позади него маячит Рамона.

Вот этих двоих я с уверенностью могу назвать своими лучшими друзьями. Мы знакомы со школы. Много лет мы мечтали стать хорошими детективами, но, когда Зак и Рамона узнали о смерти моего отца и о том, что я обязана поступить в местный университет, расположенный рядом с домом матери, которая сходит с ума и нуждается в уходе, они, как самые настоящие друзья, поступили в Нью-Йоркский университет вместе со мной.

Ребята всегда подбадривают меня, даже когда я не нуждаюсь в какой-то особой поддержке. Я благодарна вселенной за них. Мы стали настоящей семьей, и я надеюсь, останемся ею до конца нашей жизни.

Думаю, мы отличаемся от большинства сверстников. У каждого из нас есть шрамы на сердце. Каждый потерял одного или даже обоих родителей, нам знакомо состояние ме-

ланхолии. Тогда как обычно это слово употребляют люди, которые не имеют ни малейшего понятия о том, что оно значит на самом деле. Меланхолия – это страшно. И порой она длится всю жизнь.

Помахав мне, Зак и Рамона запрыгивают в автомобиль. Парень садится впереди – он никогда никому не уступает место рядом с водителем.

– Снова Лана? – спрашивает Рамона, придвинувшись к нам с заднего сиденья.

Я киваю:

– Снова.

– Тебе пора что-то с этим сделать. Мне бы на твоем месте все это уже осточертело, – раздается голос Зака.

Заверив их, что собираюсь поговорить с Ланой в ближайшее время, я выезжаю с парковки и направляюсь в сторону нашей любимой забегаловки «Сахар»: там проводят свободное время почти все студенты.

По правде говоря, до нее можно дойти и пешком, буквально за пятнадцать минут, но плохая погода не оставляет выбора и заставляет тратить и без того дорогой бензин на двухминутную поездку.

Оказавшись на месте, я паркуюсь, но не спешу выходить из автомобиля, вместо этого сижу внутри, косо поглядывая на кафе.

– Вам не кажется, что мы бываем здесь слишком часто? – озвучивает мои мысли Зак.

– Ты тоже это заметил? – ухмыляюсь я. – Мне кажется, наступило то самое время, когда пора сменить обстановку.

– К сожалению, я не знаю никаких топовых мест поблизости, – пожимает плечами Рамона.

– Зато я знаю, – говорю я, думая об открывшемся в прошлом году ресторане-баре, который быстро приобрел популярность среди молодежи.

Совсем скоро мы останавливаемся возле местечка, которое с недавнего времени стали называть «Тенями» из-за мрачной обстановки. В местном баре разрешалось пить тем, кому еще не исполнилось двадцати одного, и выкрикивать нецензурные слова настолько громко, насколько этого хотелось клиенту.

В ресторане же, напротив, света было больше и люди культурнее. К сожалению, противники грубых фраз вынуждены выслушивать это только потому, что в «Тенях» подают самые вкусные блюда во всем квартале.

В основном сюда приходят те, кому еще нет двадцати пяти. И несмотря на то что здесь располагается ресторан, это место можно было назвать одним большим клубом, который днем пребывает в спокойствии, а ночью наполняется самой испорченной молодежью Нью-Йорка.

Мы выбрали столик рядом с баром, и к нам тут же подбежал официант. Сделав заказ, я подняла глаза и заметила, с каким интересом рассматривают это место мои друзья.

Зак и Рамона всегда сканируют и изучают все, что их

окружает. Они могут дать любому месту, да и человеку, оценку. С первого раза оба способны сказать, опасно место или человек или нет. Настоящие детективы, ничего не скажешь.

– Впрочем, удовлетворительно, – произносит Рамона, повернувшись ко мне. – Безопасно.

– Но только не ночью, – замечает Зак, оглядываясь на толпу парней, гогочущих у стойки.

Зак мог бы вписаться в их компанию. Внешне он ничуть не походил на приличного мальчика. У него большая татуировка от запястья и до изгиба локтя, а в ушах две черные серьги-пуговицы среднего размера. Когда-то давно он хотел проколоть бровь и нос, но мы с Рамоной вовремя его остановили, потому что ни я, ни она не любим обилие железяк, особенно на лице, да и делать пирсинг в брови опасно. А если мастер будет неосторожен?

– Эй, это парень, с которым ты общалась на первом курсе? – прищурившись, говорит Рамона, продолжая всматриваться в толпу ребят.

Взглянув туда же, ощущаю, как щеки вмиг заливаются краской.

Возле стойки возвышается Дез Вайлчман, один из «братьев». Когда я поступила в университет, он был первым, кто обратил на меня внимание. Мы хорошо общались, но со временем Дез начал меняться, постепенно превращаясь в «плохиша». Как по мне, так виноваты в этом Доминик Даниэль

Крамберг и Джаред Блеф. Они приняли его в дом братства и испортили, вливая в него алкоголь на вечеринках и подсовывая новую девушку почти каждый вечер. Парень вошел во вкус и пропал. Я перестала его интересовать. Отчетливо помню тот день, когда Дез сказал мне это прямо в лицо, даже не пытаясь смягчить правду. Было обидно, потому что я успела привыкнуть к нему. Но я рада, что все не зашло слишком далеко, ведь Дез хорош собой, несмотря на множество дефектов. Например, однажды мне удалось рассмотреть шрам на его спине, тот тянулся от самой поясницы до шеи. Когда-то давно Дез ввязался в драку, и его поцарапали осколком. Он успел потерять много крови, прежде чем ему оказали первую помощь. Но к счастью, Дез жив, а это, как по мне, важнее всего.

– Вы не здороваетесь? – интересуется Зак, в ответ я качаю головой.

– Он даже не смотрит в мою сторону.

– Жаль, хороший был парень. Я надеялся, что он однажды будет тусоваться с нами, а не с этими «братишками».

– Блейн же тоже входит в их ряды? – неожиданно интересуется Рамона.

– А что? – смотрю на нее я.

Пожав плечами, она спокойно отвечает:

– Просто спросила. Они меня немного раздражают, ведут себя как короли, где бы ни находились.

– Я бы так не сказала. Может, «братья» и хулиганы, но они

знают меру

– Ты защищаешь их? – сверкнув изумрудными глазами, уточняет подруга.

– Да брось!

К счастью, в эту секунду к нам подошел официант, и мы переключились на еду, которая оказалась невероятно вкусной. Стараясь оставаться незамеченной, я продолжала поглядывать на ребят за стойкой. Мне нравится за ними наблюдать, потому что они кажутся… другими. Не такими, как все.

Что-то в них было особенным, но не ясно, что именно. Они не особо популярны в университете, но привлекают внимание всех девчонок на вечеринках. Они не суперкрасавчики, но весьма харизматичны. У них много изъянов во внешности, но каждый дефект по-своему симпатичен. Никто из них не ведет себя как выскочка, но многим кажется, что они чересчур сильно хвастаются. Они нравятся многим лишь по той причине, что остаются сами собой вне зависимости от того, где находятся и с кем общаются. Членов в братстве достаточно, но именно Доминик, Джаред и Дез с Блейном всегда и всюду в центре внимания.

Поедая лапшу, я вижу, как Дез поднимает стакан, чокается с друзьями, что-то говорит, из-за чего все впадают в безудержный смех, а потом пьет.

Иногда мне и самой хочется поучаствовать в подобном веселье. Если бы не мать, которой я стараюсь уделять все свободное время, возможно, я уже давно пустилась бы во все

тяжкие.

Мне, как и любому нормальному человеку, хочется развлекаться и проводить свою молодость на вечеринках, среди крутой компании. Но, к сожалению, у судьбы было для меня нечто более интересное: валить из комнаты ровно в шесть и кормить маму с ложки.

– Ты пялишься, – говорит мне Рамона.

Вздрогнув от неожиданности, я оборачиваюсь на нее:

– Вовсе нет!

– Пялишься, еще как пялишься, – поддерживает Рамону Зак, ковыряясь вилкой в тарелке.

– Не надо, Хейли.

– Что не надо?

– Я знаю этот взгляд. Ты хочешь быть среди них, но оно того не стоит, поверь мне. Подобный образ жизни быстро надоедает, и вскоре наступает время, когда хочется спокойствия, а с такой компанией его так просто не получить, поверь.

– Так говоришь, будто испытала это на своей шкуре, – забывшись, произношу я и тут же жалею о своих словах.

У Рамоны погибла вся семья в автокатастрофе, из-за чего ей пришлось жить с бабушкой, до того как она поступила в университет. После смерти родных она пошла по наклонной. Отказалась от нашей с Заком компании и сблизилась с психом, каждый день употребляющим травку и прочую дребедень.

Мы с Заком пытались направить подругу в правильное русло, но получилось не сразу. Она не собиралась признавать нас как друзей, вместо этого грубила и покрывала грязными ругательствами. Мы уже практически сдались, как вдруг Рамона сама пришла к нам и попросила прощения.

Когда Рамона рассказала, что делала компания, с которой она проводила время, мы впали в полнейший шок. Неудивительно, что в какой-то момент Рамоне стало страшно, и она решила уйти, пока не поздно. Те ребята качали друг друга наркотиками из шприца, занимались непристойностями прямо на улице и нарушали общественный порядок. На следующий день после возвращения Рамоны ее приятелей обвинили в убийстве, а через какое-то время посадили на долгий срок.

– Прости, – говорю я с полной искренностью, но Рамона в ответ просто кивает, продолжая смотреть в тарелку. – Я не хотела тебя обидеть, правда.

– Я понимаю, все нормально. Такое случается, когда говорят, не подумав.

Хоть Рамона и посмотрела на меня, подняв голову, чувство вины меня не покинуло. Я слишком часто говорю что-то обидное или случайно вспоминаю то, что причиняет окружающим боль.

– Прости, – снова говорю я, поджав губы.

– О, Боже, перестань извиняться, все хорошо.

– Мне надо в туалет. – Положив использованную салфетку

рядом с тарелкой, я поднимаюсь и, взяв телефон, ухожу.

Туалет, к счастью, пуст. Подойдя к зеркалу, я смотрю на отражение и пытаюсь убить себя взглядом. Каждый раз, когда я расстраиваю чем-то друзей, мне становится стыдно и внутри вспыхивает желание убежать на какое-то время.

Я пытаюсь быть хорошим другом, потому что меня постоянно посещает чувство, будто если я скажу что-либо невпопад, то они оставят меня, посчитав идиоткой. Конечно же, подобного не случится, потому что мы слишком дороги друг другу, и если кто-то уйдет из нашей маленькой банды, то она распадётся полностью.

У нас троих был один маленький секрет. Каждое воскресенье мы надеваем черные перчатки без пальцев, закрываем платками нижнюю часть лица и идем к главному зданию той части Нью-Йорка, в которой живем. Каждый берет по рюкзаку, в котором лежат баллончики с краской, выбирает определенную часть стены и разрисовывает её.

Мы не хулиганим, а просто хотим внести красок в окружающий мир. Зак, я и Рамона являемся пусть и меланхоличными, но яркими личностями, и нам не нравится жить среди серых скучных зданий.

Пару раз нас показывали в новостях. Именно поэтому мы и прячем лица. Нам хочется внести яркости, но мы не желаем быть раскрытыми.

Неожиданно открывается дверь, и на пороге появляется Дез. Отлично.

– Это женский туалет, – говорю я, глядя на него через зеркало.

– Правда? – саркастично отвечает парень. – Знаешь, прежде чем пялиться на других, научись хотя бы делать это незаметно.

– Я не пялилась на тебя, – вру я.

– Лжешь, – догадывается он. – Я не против, чтобы ты смотрела на меня, но, когда это происходит беспрерывно… надоедает, знаешь ли.

С каждым месяцем Дез становится все грубее и грубее. Я поняла, что скоро в нем не останется и следа от того мальчика, которого я встретила в начале учебы. Хоть мы и не общаемся, легче от этого не становится.

– Ты пришел сюда лишь для того, чтобы мне это сказать? – стараясь сделать свой тон как можно более бесстрастным, спрашиваю я.

Оттолкнувшись от косяка, он закрывает дверь, заглушая тихую музыку из бара, и проходит вперед. Остановившись рядом со мной, Дез включает кран и, смотря на свое отражение, моет руки. Я наблюдаю за ним, пытаясь понять: какого черта он творит.

– Это женский туалет, – снова напоминаю я.

– Но заметь, кроме тебя, здесь никого нет, – бросив на меня взгляд через зеркало, незамедлительно отвечает он.

– Но это не значит, что сюда не могут зайти в любой момент.

– Как у тебя дела? – вдруг меняет тему Дез.

Сначала я хочу сказать, чтобы он убирался, но после понимаю, что у меня не хватит воли это произнести, потому что, как бы то ни было, я все-таки соскучилась по его компании.

Вместо того чтобы крикнуть на парня, я спокойно отвечаю:

– Нормально.

– Приходи на вечеринку в субботу.

– Нет.

– Нет?

– У меня много дел.

И все эти дела связаны с матерью.

– Каких? – не отстает Дез.

Он ничего не знает о моей маме, ему лишь известно, что я осталась без отца.

О том, что мой единственный родитель сходит с ума, знают только очень близкие люди. Это большая тайна, о которой не следует трепаться на каждом углу.

Ответив Дезу, что мои дела его не касаются, я поворачиваюсь к выходу. Неожиданно он ловит меня за запястье и говорит, что если я все-таки передумаю, то могу прийти.

Ничего не ответив, выдергиваю руку и выхожу. Как бы сильно мне ни хотелось побывать хоть раз на вечеринке, забота о матери важнее.

Вернувшись к друзьям, я ловлю их вопросительные взгля-

ды. Соврав, будто звонила Лане, чтобы предупредить о том, что задержусь, я сажусь и доедаю то, что было на тарелке.

– У меня есть идея для воскресенья, – отодвинув тарелку и поставив локти на стол, произносит Зак. Мы с Рамоной тут же смотрим на него. – Осталось совсем чуть-чуть, и рисунок на здании будет закончен, если нас, конечно, не поймают копы. Так вот, что если мы раскрасим клуб «Ошибка»?

– Нет, не получится, это довольно элитное заведение, там слишком много охраны, – качаю головой я.

– Но разве вам не хочется рискнуть?

– Где бы мы ни рисовали, это уже большой риск. Если нас арестуют, то придется отдать все накопленные деньги на штраф, – говорит Рамона, и я киваю в знак согласия.

– Вы слишком скучные, – выдыхает Зак и откидывается на спинку стула. – Я считаю, что мы просто обязаны попробовать.

– Может, нам раскрасить собственный университет? Там только один охранник, да и старый к тому же. Не хочется приходить на лекции в такое пресное здание, – говорю я и морщусь. Не люблю серость. В моей жизни и так слишком много всего бесцветного.

– А вот это идея, – поддерживает меня Рамона.

– Хм, – только и произносит Зак и, нахмурившись, опускает взгляд на тарелку.

– Да ладно тебе, крутая же идея, – толкает его локтем в бок подруга.

Зак не спешит соглашаться, но, судя по тому, как он колеблется, я знаю, что ему хотелось бы попробовать. Я улыбаюсь и начинаю отсчитывать с десяти до нуля и, когда мысленно произношу «ноль», он говорит:

– Ладно.

* * *

Лану я застала уже спящей. Такое часто бывает. Есть дни, когда Блейн уходит раньше десяти вечера, но это не значит, что я имею право заявиться раньше. Снимая с себя одежду, я решила, что больше не позволю этим двоим выгонять меня. Пускай ищут другое место. Это общежитие, от слова «общее».

Забравшись в постель, я прокручиваю слова Деза. Что, если нанять сиделку для мамы и позволить себе развлечься хотя бы один раз, а затем снова вернуться к прежним обязанностям? Как на это отреагирует мать? Даже если она почти сумасшедшая, это не значит, что она не сможет ничего сказать. Временами она говорит больше, чем когда была в ясном уме.

Повернувшись на бок, я смотрю на Лану и пытаюсь представить, каково это – быть ею. Насколько я знаю, она очень любит тусоваться. Иногда даже остается в доме братства или сестринства и приходит домой только утром.

Стоит поговорить с матерью и, если она согласится на си-

делку, то я приму приглашение Деза.

* * *

Однако мама не согласилась. Вместо этого она пытается теперь узнать, зачем мне нужен день отдыха. Вместе с тем она еще и расстраивается из-за того, что не может сама о себе позаботиться. Я пытаюсь уверить ее в том, что этот выходной вовсе не обязателен и я могу провести время с ней.

Все же я расстроена. Но даже если бы мама и не стала возражать, что бы я сказала друзьям? Они, конечно, тоже любят вечеринки, но только не в доме братства. Они терпеть не могут ни «братьев», ни «сестер».

– Они слишком самодовольны, – сказал как-то Зак.

Засунув постельное белье в стиральную машинку, я насыпаю порошок и одновременно смотрю на себя в зеркало. Мои волосы, едва достающие до плеч, спутались и теперь похожи на вату. Светло-карие глаза с зеленым оттенком уставшие и измученные. Они полны боли, и я бы с радостью их заменила на другие, лишь бы не видеть их каждый раз в зеркале или в камере телефона.

Захлопнув машинку, включаю ее и выхожу из ванной. Мама сидит на кресле-качалке на веранде. Я выглядываю и спрашиваю, нужно ли ей что-нибудь. Когда она отрицательно качает головой, я возвращаюсь к готовке.

Когда умер отец, мама сломалась. Сначала никто не заме-

чал, как она сходит с ума, но вскоре родственники и я поняли: что-то здесь не так. Мать звала папу ночью до тех пор, пока врач не выписал ей снотворное, которое она пьет по сей день. Были моменты, когда я заставала маму, сидящей посреди гостиной в белой сорочке. Она говорила, что каждое Рождество они сидели на этом месте с отцом, рядом с елкой. Моя мать слишком любила и любит по сей день отца и не готова его просто так отпустить.

Когда обед готов, я выхожу на веранду с тарелкой и, поставив ее на стол, пододвигаю второе кресло к матери и начинаю кормить ее с ложки. Это дается мне сложнее всего, ведь она еще так молода. Но она сломалась и починке не подлежит.

– Как дела в школе? – спрашивает мама.

Сначала я думаю напомнить ей, что уже учусь в университете, но потом понимаю, что не стоит расстраивать маму.

– Неплохо, – говорю я, поднося к ее рту ложку с супом.

– Какие оценки получила за неделю?

– М-м, хорошие.

Чтобы она не успела сказать что-либо еще, я начинаю кормить ее немного быстрее.

Как только я выйду из дома и сяду в машину, обязательно расплачусь, так как позади окажется еще один трудный день.

Я освободилась только вечером. Дав маме снотворное, я заперла двери и окна, оставив открытой только форточку в ее спальне. Направляясь к общежитию, я держала руль одной

рукой, а второй вытирала надоедливые слезы.

Сегодня Ланы не будет. Она написала, что отправится на вечеринку. Вот бы отправиться туда сейчас, ведь такие мероприятия идут чуть ли не до утра! Но я тут же откидываю эту мысль. Там наверняка уже все пьяные, и никто меня не ждет.

Вместо того чтобы оторваться по полной, я торможу на парковке и, достав телефон, пишу Заку и Рамоне.

Я: *Отправимся разрисовывать здание сегодня?*

Ответ приходит моментально.

Рамона: *Но ведь наш день – воскресенье!*

Я: *Мне нечем заняться. Я хочу отдохнуть после тяжелого дня.*

Рамона: *Где ты? Зак рядом со мной, если что.*

Я: *На парковке. Все необходимое у меня в багажнике, берите вещи и выходите.*

Друзья садятся в машину буквально через двадцать минут. До места назначения мы доехали меньше чем за полчаса, хотя даже умудрились попасть в маленькую пробку. Выйдя из автомобиля, мы убедились, что никого поблизости нет, и, надев платки с перчатками, достали баллончики.

Все происходит спонтанно. Я подхожу стене и сразу начинаю дорисовывать тигра. Зак стоит недалеко от меня и дорабатывает свой лес. А Рамона стоит за углом и добавляет элементы на свой рисунок океана и песка. Мы изображаем тропики.

– Я думаю, что сегодня мы закончим, – произносит Зак.

– Если нас не поймают раньше, – кричит из-за угла Рамона.

Повернувшись, я осматриваюсь, но по-прежнему не вижу ни копов, ни людей. Мимо только изредка проезжают машины.

На работу нужно примерно три часа. Будем надеяться, что ничего не случится и мы не угодим в обезьянник.

Неожиданно в заднем кармане джинсов раздается вибрация телефона. Поставив баллончик на землю, я вытираю вспотевшие руки о старую толстовку и достаю мобильник.

Номер неизвестен, но содержимое сообщения сразу дает понять, кто его автор. Дез намекает, что у меня еще есть шанс присоединиться к вечеринке, и, да простит меня мир, его предложение искушает.

Закусив губу, я хочу убрать телефон, как снова приходит сообщение.

Дез: *Я трезв. Давай к нам, здесь весело. Дез.*

Не удержавшись, я отвечаю:

Я: *Я знаю, что это ты. Откуда у тебя мой номер?*

С тех пор как мы перестали общаться, я успела триста раз его поменять. Конечно же, на вечеринке нашелся человек, которому известен мой номер и который совершенно не против им поделиться.

Дез: *Важно то, что я тебе предлагаю, а не то, где*

я добыл твой номер.

Я: *Почему ты пишешь мне? Зовешь на вечеринку? МЕНЯ на вечеринку! Мы давно прекратили общение, или ты забыл?*

Дез: *Я прекрасно это помню.*

Я: *Тогда будь добр больше меня не трогать.*

Ответа я не получаю. Хоть я и попросила не беспокоить меня, на языке все равно чувствуется привкус обиды. Мне всегда нравились настойчивые парни. Начитавшись подростковых романов, я не могу теперь найти свой идеал в реальной жизни, а это очень плохо. За то время, которое я проучилась в университете, я несколько раз могла стать чьей-то девушкой. Но чего-то не хватало в тех парнях, которые предлагали мне отношения, переходившие за линию дружбы.

– Кто писал? – спрашивает Зак, оказавшись со мной плечом к плечу.

– Это так важно? – задаю я встречный вопрос, одновременно придумывая ответ.

– А это тайна?

– Может, лучше займешься делом, м? Тебе осталось больше, чем мне, – подмигиваю я.

Он ухмыляется, но отстает. Бывают такие моменты, когда мы обязаны избегать правды. Дело в том, что если бы я попыталась обмануть, то меня сразу же бы раскусили. Мои друзья слишком хорошо меня знают, и поэтому распознать ложь не составляет для них труда.

Закончив с хвостом тигра, я встряхиваю баллончик и наношу последние штрихи. Затем я спешу помочь Заку, а после мы дружно завершаем работу Рамоны.

Отойдя на три шага, мы рассматриваем рисунок, как вдруг позади нас загораются три фонарика. Развернувшись, видим троих полицейских и четвертого у машины.

– Вот вы и попались, детишки, – говорит мужчина средних лет.

– Бежим! – кричит Зак и хватает нас с Рамоной за руки.

– Разделимся, как только добежим до переулка, – отвечаю я.

Полицейские мчатся за нами. Я чувствую стук их ботинок чуть ли не у самого уха. Как только мы оказываемся у переулка, я вырываю ладонь из руки Зака и сворачиваю на другую улицу.

Мы с ребятами знаем, что делать в подобной ситуации. У нас есть особое место, возле которого мы встречаемся, оторвавшись от копов. Это мост. Большой заброшенный мост в Пустынном квартале. Там часто тусуются наркоманы и просто бездомные. Нас они не тронут, если мы сами их не спровоцируем.

Завернув за очередной угол, я подвернула ногу и чуть не упала. Выйдя на Пустынную улицу, я тут же закрываю руками лицо, защищаясь от света автомобильных фар.

Слышу скрежет шин и крик полицейского.

Убирая руки, я вижу за лобовым стеклом Блейна и Деза.

Глаза обоих широко распахнуты, они узнали меня, потому что из-за бега платок слетел с моего лица и теперь висел на шее.

К сожалению, моя реакция иногда барахлит, но сейчас мне удалось выкрутиться.

Нога горит, хочется завыть от боли. Поскуливая, я на бегу завязываю платок так, как надо, и замечаю пожарную лестницу. С разбегу я подпрыгиваю и хватаюсь за первую перекладину.

Я не обращаю внимания на то, что лестница качается из стороны в сторону. Испугавшись, я сбилась с пути и попала в тупик. Теперь, взбираясь наверх, молюсь, чтобы там был выход.

Преодолев половину пути, останавливаюсь и, ухватившись за перекладину над головой, смотрю вниз. Голова кружится, но я вижу, как за мной карабкается полицейский.

Вот же настырный!

Забравшись на крышу, я обнаруживаю, что расстояние до соседнего дома совершенно не большое. Но вместо того чтобы прыгнуть, я подбегаю к двери. К моей радости, она оказывается не заперта. Кинув взгляд на лестницу, я никого не вижу. Значит, коп еще далеко и у меня есть шанс сбежать незамеченной.

Распахнув дверь, забегаю в подъезд и тут же несусь вниз, продолжая всхлипывать из-за ноги и перепрыгивая через ступеньку.

Здание чертовски высокое, а воспользоваться лифтом попросту нет времени, так как он находится на первом этаже, да и не факт, что работает.

Плюнув на все, я начинаю съезжать по перилам и уже через несколько минут достигаю первого этажа.

Остановившись, чтобы отдышаться, я слышу глухой стук и понимаю, что полицейский не так глуп, потому что понял, как я так быстро исчезла.

– Вам следует перестать от меня бегать, вы делаете только хуже! – Его голос эхом раскатывается по заброшенному зданию.

Подбежав к массивной двери, я дергаю за ручку, но она не открывается с первого раза. Меня тут же охватывает паника. Запустив руку в волосы, пытаюсь что-нибудь придумать.

Шаги все ближе и ближе, а я не хочу быть слишком шумной. Вокруг темно, поэтому ничего нельзя разглядеть. Начинаю ощупывать стену и натыкаюсь на какую-то ручку. Достав телефон, свечу перед собой и вижу обшарпанную дверь.

Подвал.

Я без раздумий забегаю внутрь и прячусь в углу прямо за входом. Смрад тут же завладевает моим обонянием, становится больно дышать. По шее и груди течет пот, волосы прилипли ко лбу, нога горит так, что хочется выть от боли, как волк на луну.

Когда дверь подвала открывается, я зажимаю рот ладонью и тут же чувствую неприятный привкус кожаной перчатки.

Свет фонарика освещает помещение, но на то место, где я стою, не попадает. Я вижу очертание силуэта полицейского и мысленно молюсь о том, чтобы остаться незамеченной.

Мы знали, что это когда-нибудь случится. Зак, Рамона и я были полностью готовы к этому. Но одна машина, одно непредвиденное обстоятельство, и план рухнул.

Надеюсь, что моим друзьям удалось сбежать.

Прикрыв глаза, я начинаю считать, но не успеваю дойти и до десяти, как вдруг слышится стук закрываемой двери. Расслабленно выдохнув, легонько ударяюсь затылком об стену.

Кажется, Господь меня помиловал.

Я решаю отсидеться здесь пять минут, чтобы полицейский ушел как можно дальше.

Скатившись по стене, я сажусь на холодный сырой пол, не заботясь о том, что он может быть грязным или что я могу заболеть.

Достав телефон, печатаю сообщение Заку.

Я: *Где ты?*

Ответ приходит спустя несколько секунд.

Зак: *У моста, с Рамоной. А ты?*

Я лишь коротко отвечаю:

Скоро буду.

Поднявшись, я выхожу из подвала и направляюсь к выходу. Еще раз проверив дверь, я замечаю, что она открыта. Видимо, у полицейского больше сил, чем у меня. Снаружи я

смотрю по сторонам, но никого не вижу. Теперь можно добраться до моста в спокойствии, не волнуясь о том, что меня поймают.

По пути я встречаю несколько бомжей, которые что-то перебирают в мусорных баках, и пару облезших котов, воющих друг на друга.

Оказавшись в нужном месте, подхожу к друзьям.

– Что с твоей ногой? – замечает Рамона, кивнув на нее.

– Подвернула, пока бежала. Меня чуть не поймали, пришлось прятаться. У вас какие новости?

– Нам не составило труда запутать следы. Копы и половины пути не пробежали за нами, всего лишь один квартал, – отвечает Зак.

Я киваю и хочу сказать, что на время надо перестать рисовать на зданиях, потому что мы можем быть в розыске. Но не успеваю я и звука произнести, как вдруг раздается вибрация телефона.

Мне написал Дез.

Что это было?

Незамедлительно отвечаю:

Часть моей жизни.

Оттенок второй

Блейн

Лана – единственный человек, с которым я могу поговорить по душам. Приходя к ней каждый четверг, я рассказываю все, что приключилось со мной за неделю. Она что-то вроде личного психолога. Не зря она учится именно на него.

Сейчас наступил очередной четверг, время почти шесть часов, но ее соседка не спешит уходить. Мы оба смотрим на Хейли, которая читает книгу, лежа на кровати и закинув ногу на ногу.

Она обязана уходить из общежития в шесть и гулять где-нибудь до десяти часов вечера, когда я навещаю Лану. Конечно же, я понимаю, что это несправедливо по отношению к девушке, но, к сожалению, Хейли не похожа на того человека, которому можно доверять.

Она так же скрытна, как и я. Она замкнута и доверяет не всем. У нас есть нечто общее. Возможно, будь я более любопытным, то попробовал бы узнать ее поближе. Мы учились в одной школе, и я отчетливо помню, что такой замкнутой она раньше не была.

Когда-то давно Хейли общалась с Дезом. Он рассказывал про нее, когда оказался в числе «братьев». Поначалу она ка-

залась ему прикольной, но вскоре наскучила. Он называл ее слишком правильной, а такие люди со временем надоедают.

Наконец-то она поднялась с нагретого места и отложила книгу. Мы с Ланой следили за каждым ее движением и с нетерпением ждали, когда дверь за Хейли закроется.

Как только девушка заходит в ванную, Лана говорит:

– Я подумываю о смене соседки. Хейли чересчур скучная и какая-то угрюмая.

– Мне бы тоже надоело уходить каждый четверг и шататься невесть где четыре часа, – пожимаю плечами я.

– Это общежитие, я имею право приводить сюда, кого захочу.

– Радуйся, что меня вообще пускают.

– Радуйся, что я вообще позволяю тебе проводить здесь время, – парирует она.

Через некоторое время возвращается Хейли. Мы оба замолкаем, следя за тем, как она направляется к выходу. На пороге она произносит злобным голосом:

– J'en ai marre de partir chaque fois qu'il vient!

Как только дверь захлопывается, я поворачиваюсь к Лане и говорю:

– Она только что заявила, что ей это надоело?

– С каких пор ты знаешь французский? – вставая с постели, задает встречный вопрос она.

– Недавно закончил обучение.

– Хейли думает, что мы спим каждый четверг, а я не пы-

таюсь ее переубедить. Ведь как ты там сказал?..

– Делай что угодно, но только не рассказывай никому, чем мы тут занимаемся.

– Именно, – кивает Лана и, поставив стул недалеко от кровати, перекидывает через него ногу и кладет локти на спинку. – Итак, что у тебя произошло интересного за эту неделю?

Я начал рассказывать о Нике, который пытается узнать меня «от» и «до». Он следит за каждым моим вдохом уже как шесть месяцев. Я хорошо помню тот случай, когда Ник преследовал меня на машине, и после этого понял, что так просто он не оставит меня в покое.

Я не стремлюсь казаться загадочным, я просто не люблю рассказывать о себе другим, даже лучшим друзьям. Окружающим должно хватать того, что я уже позволил им знать. Неужели нельзя понять: если я что-то утаиваю, это только к лучшему? Никому, кроме Ланы, лучше не знать, кем я был и что натворил в недалеком прошлом.

Помимо Ника я поведал о том, что не могу чувствовать себя спокойно в компании брюнеток. Именно они вызывали во мне необъяснимое желание бежать прочь.

Лана только рассмеялась.

Ей кажется, что я просто потихоньку схожу с ума, а если я буду и дальше избегать девушек, то все задумаются о моей ориентации. Лана также знала о том, что если мне понравилась брюнетка на вечеринке, то я обязательно найду блондинку, по счастливому случаю оказавшуюся неподалеку.

После одного случая я перестал получать удовольствие от гулянок. Как только «братья» закатывали вечеринку, я сразу же закрывался в своей комнате. Вариант хороший, но постоянно им пользоваться было нельзя. Друзья бы заподозрили что-то неладное и попытались бы выпытать у меня правду.

Однажды мне понравилась девушка, из-за которой я даже подрался с одним из «братьев». Она была брюнеткой и первой девчонкой, которая мне приглянулась за пять лет. Но один никчемный поступок охладил мой пыл. С тех пор я не смотрю ни на одну темноволосую девушку, исключением являются только редкие случаи на вечеринках.

Я хочу избавиться от страха, преследующего меня много лет. Мне скоро двадцать четыре, я оканчиваю четвертый курс, но не могу найти девушку. Многие думают, что отношения – не главное, но они ошибаются. Любому человеку хочется иметь рядом родственную душу. Особенно когда этому человеку столько лет, сколько мне.

Если бы не семейные проблемы, я бы давно свалил из университета и нашел бы себе компанию в другом месте.

– Хочешь правду? – говорит Лана, а я киваю. – Каждый четверг ты приходишь почти с одними и теми же проблемами. Суть в том, что ты не можешь скинуть груз, который возложил на себя много лет назад.

– Мне просто надо выговариваться кому-нибудь раз в неделю, чтобы не сойти с ума, – отвечаю я, посмотрев на свои руки.

– Нет, дорогой мой, тебе просто нужно начать встречаться с брюнеткой.

– Ты что, шутишь? – рявкаю я. Она хоть понимает, какую глупость ляпнула?

Лана серьезно? Зная, что я чувствую по отношению к брюнеткам? Иногда мне хочется прекратить наше общение. Порой Лана ляпает действительно полнейшую глупость.

– Вот тебе и ответ на вопрос. Если бы не страх, ты бы давно перестал быть таким замкнутым. Но, Блейн, ты должен знать: если плохое приключилось один раз, это не значит, что так будет постоянно.

Она говорит это каждый четверг. Я пытаюсь поверить ей, но все без толку. Стоит мне просто представить, как я иду под руку с девушкой, а в особенности с темными волосами, меня бросает в дрожь.

За последние пять лет я стал не просто скрытным, а наполнил себя противоречиями. От этого окружающие часто приходят в замешательство.

– Ты же знаешь, я не могу это перебороть, – спокойно и твердо говорю я. – Я пытался это сделать, и не раз. Все бесполезно. Мне кажется, если я буду постоянно говорить об этом, то страх отступит.

– Ничего не получится, пока ты сам этого не захочешь и не начнешь что-то делать.

И это я тоже слышу каждый четверг. Слова Ланы я записываю в дневник, а иногда на листок и вешаю на стенку шка-

фа в своей комнате. У меня их два, и один предназначен для того, чтобы клеить в нем записки.

Пожалуй, я слишком часто хочу прекратить общение с ней. За год я заметил, что легче мне становится буквально на пару дней, а после желание спрятаться, отгородиться от всего мира всплывает вновь.

Единственное, что меня удерживает, – это страх остаться без человека, которому можно рассказать все. Я боюсь, что если буду держать чувства в себе, то все может закончиться сумасшествием и суицидом.

– Как бы сильно я ни хотел этого, ничего не получается. Это ты можешь понять? – злобно спрашиваю я.

– Не рычи на меня, Блейн. Я единственный человек, который тебя понимает.

– Не пользуйся этой привилегией.

Улыбнувшись, она продолжает беседу. От моих проблем мы плавно переходим к пустякам. Нам нравится слушать друг друга. Мы любим проводить вечер четверга в компании друг друга, и это еще одна причина, почему я не смогу оставить ее.

Временами я думаю о том, что будет, если она станет моей девушкой. Смогу ли я нормально к ней относиться? Проблема в том, что мы не привлекаем друг друга так сильно, чтобы стать парой.

Иной раз я наблюдаю за Ником и Амелией. Я смотрю на них и понимаю, что оба не изменились. Ник не перестал быть

грубым хулиганом, а Амелия не стала капризной. Их отношения вдохновляют меня, хоть я и не подаю вида. Они та самая редкая пара, где каждый остается самим собой.

Я много раз рассказывал о них Лане, говорил, какие они чудесные и интересные. Она говорила мне брать пример с Ника. Что стоит найти девочку, подружиться с ней и предложить своего рода игру. Но конечно же, я понимал, что это шутка. Хотя, как говорится, в каждой шутке есть доля правды.

Сегодня я решаю уйти от Ланы раньше десяти часов. У меня запланированы некоторые дела с Дезом, и он должен ждать меня на парковке в начале десятого.

Обсудив с Ланой еще несколько тем, я прощаюсь и выхожу из комнаты. По пути к выходу киваю женщине за стойкой и покидаю общежитие.

Дез стоит, прислонившись к моему автомобилю. Он что-то разглядывает в телефоне и замечает меня, только когда слышит приближающиеся шаги. Протянув мне руку, ждет, когда я ее пожму, и затем отходит от дверцы, позволяя мне открыть ее.

Как только мы выезжаем с парковки, Дез выпаливает:

– Сегодня подловил Хейли в одном прикольном местечке. Она похорошела. Я даже на миг начал жалеть, что порвал с ней. Правда, я не очень люблю девушек с короткими волосами, но должен признать, новая стрижка ей к лицу.

– Я и без того знаю, как она изменилась за два курса, –

хмыкаю я.

В школе Хейли особо не выделялась. У нее были слишком длинные волосы, которые постоянно выглядели как-то неопрятно, и пустое лицо. Пустое в том смысле, что ничего не выражало. Она была словно зомби, слонявшийся по школьным коридорам.

– Поверить не могу, что прошло два года. Я позвал ее на вечеринку, как думаешь, она придет? – повернувшись ко мне, спрашивает Дез.

– Судя по тому, что она ни разу не заходила в дом братства, я не уверен.

Нет, я не слежу за девушкой, просто порой мне приходится встречать студентов, желающих по полной развлечься в нашем доме. Хейли среди них я никогда не видел. Даже интересно, почему она никогда не приходит к нам на вечеринки. Однако спросить об этом у Ланы я не могу, потому что она решит, будто мне нравится ее соседка. А Хейли брюнетка.

– Это странно. Как можно ни разу не оторваться в студенческие годы? В универе даже самые правильные становятся испорченными. Возможно, ты посчитаешь меня идиотом, но я хочу восстановить дружбу с Хейли.

– А как же Нелли?

– Она променяла меня на Пола Дартфилда, и плюс мы никогда не встречались, – махнув рукой, отвечает Дез.

Все, кто знаком с Дезом, в том числе и я, надеялись, что

его отношения с Нелли перерастут во что-то большее. Казалось, что Дез неровно дышит к девушке, но они прекратили общение так спокойно, будто бы совсем ничего друг к другу не чувствовали. Да и Дез не выглядел несчастным. Я знаю его лучше многих и могу спокойно определить, когда другу реально плохо.

Повернув на нужную улицу, я останавливаюсь у тату-салона и поворачиваюсь к Дезу. Он смотрит на вывеску, тяжело сглатывая. Внутри меня вспыхивает жалость, ведь я прекрасно понимаю, зачем мы здесь.

– Ты уверен? – спрашиваю я, продолжая разглядывать его профиль. Он моргает несколько раз, а затем кивает. Не думаю, что он готов, но знаю, ему это нужно.

Мы выходим из машины и перебегаем дорогу. Открыв стеклянную дверь, я пропускаю Деза вперед. Пока мы проходим по небольшому коридору и поднимаемся по лестнице к стойке с молодой татуированной девушкой, успеваем рассмотреть эскизы, висящие по обе стороны от лестницы.

Дез решил сделать татуировку на спине, чтобы скрыть огромный шрам. Я не знаю, как он его заработал, а рассказывать об этом Дез не намерен. Однако, насколько я знаю, с Хейли он поделился этой тайной, когда они дружили.

Остановившись возле девушки, мы встречаемся с ее натренированной улыбкой, которая помогает скрывать усталость и то, как надоело пахать на этой работе.

Назвав имя и фамилию, мы с Дезом ждем, когда она най-

дет данные в компьютере.

– Мастер примет вас через десять минут. Вы можете сесть и подождать, – говорит девушка, указывая в сторону железных стульев, расположенных у стены рядом со стойкой.

Кивнув, мы берем по стаканчику кофе из автомата и садимся рядом с низким столиком, на котором раскинуты многочисленные журналы с эскизами татуировок.

– У тебя есть шанс свалить прежде, чем мастер достанет иголку, – шепчу я Дезу, видя, как он дергает ногой.

Дез боится не боли, а того, что что-то может пойти не так и вместо крутого рисунка он получит еще более отвратительный шрам. Ему не хочется, чтобы шрам напоминал о том, что случилось, и чтобы девушки, оказавшиеся в его постели, задавали слишком много вопросов.

Вместо ответа он качает головой, показывая, что и с места не сдвинется, пока не получит татуировку. Однако тату за один день не сделать, мастер разобьет работу на несколько раз. Шрам большой, и рисунок, соответственно, тоже должен быть большим.

Сам я никогда не увлекался подобным. Но не спорю, что иногда татуировки выглядят чертовски круто. Взять даже Ника. Его бок обрамляют розы в паутине, и выглядит это просто потрясно. Или же Джаред, который проспорил полгода назад и был обязан набить рисунок на плече. Ему тату тоже очень идет. Втайне я даже восхищаюсь тем, как красиво смотрятся татуировки друзей.

Мне тоже предлагали сделать тату. Но я так и не решился, да и сильного желания не было. Один раз Джаред ляпнул, что девчонки сходят с ума от татуировок на мужском теле. В ответ от меня он получил, что это не происходит в том случае, если тату ужасно.

Мастером оказался крупный парень. Размером он напоминал шкаф, если не больше. Я никогда не любил перекачанных и сам не мечтал стать грудой мышц. Мне нравится мое пусть и не супернатренированное, но нормального размера тело. Я ухаживаю за ним, каждый день посещая зал, но не стремлюсь обретать большие размеры. Хотя, как бы я ни старался, за последние три месяца я все равно набрал массу.

Пока Дез размещается на специальном кресле, я пододвигаю к нему стул и, перекинув ногу, опираюсь на деревянную спинку. Дез смотрит на меня, слегка улыбаясь, но я все равно вижу, как он переживает.

Чтобы друг не сошел с ума от волнения, решаю завести небольшой диалог.

– После вечеринки мы обязаны поехать на пляж.

Дез качает головой и отвечает:

– Не получится, я встречаюсь с Жаклин. Я и так тянул с этим слишком долго.

– Немного выгни спину, – раздается позади Деза низкий голос мастера. Парень выполняет указание и тут же получает следующее: – И расслабься.

– А вот это тяжело, – издав нервный смешок, говорит Дез.

– Не волнуйся, у меня десять лет опыта, поэтому я сделаю все на высшем уровне, – успокаивает мастер.

– Можно иметь опыт сроком и тридцать лет, но все равно налажать, – замечаю я.

Мастер ухмыляется:

– Это слово ко мне не относится, и вы вскоре в этом сами убедитесь – После этого он приступает к делу.

Я продолжаю успокаивать Деза, неся всякую чушь. Кажется, от волнения он даже не понимает, что я говорю полнейший бред. Он шипит иногда от неприятных ощущений, и я вздрагиваю. Мастер, которого зовут Коул, иногда останавливается, чтобы бросить взгляд на рисунок, который отдал ему Дез.

Мы набиваем змею. Это кобра, которая должна отлично спрятать шрам. Другая татуировка как минимум смотрелась бы нелепо.

Не удержавшись, я спрашиваю:

– Больно набивать на шрам?

Вместо ответа Дез качает головой, сжав зубы. Наверное, это значит, что больно. К сожалению, я не в силах понять, что он сейчас испытывает, в полной мере, потому что сам никогда не переживал ничего подобного.

Я хочу возобновить бессмысленный разговор, когда вдруг раздается звонок. Достав мобильник из кармана, я вижу на экране слово, состоящее из четырех больших букв.

– Сможешь побыть один… недолго? – спрашиваю я Деза.

Он кивает, сморщившись.

Я иду к выходу. Экран мобильника погас, но я должен перезвонить. Оказавшись на улице, я захожу в непринятые вызовы.

– Привет, мам, – говорю я, как только она берет трубку.

– Блейн! – весело восклицает мама. – Я звоню, чтобы поругать тебя.

Моя мать слишком веселая женщина. Она всегда улыбается, даже в самые грустные моменты. Отец ушел от нас несколько лет назад, и это тоже послужило тому, что я замкнулся в себе. Папа был примером для маленького меня. Но когда я впервые увидел, как он поднял руку на мать, то перестал им быть. Я долгое время его ненавидел, а сейчас отношусь нейтрально.

– Как ты? – интересуюсь я прежде, чем она начнет меня отчитывать.

Увидев лавочку неподалеку, я подхожу к ней и присаживаюсь.

– Ты не звонил мне целые две недели!

– Прости меня, пожалуйста. Учеба, загруженные дни и все такое, – тараторю я.

– Блейн, тебе скоро двадцать четыре, ты должен быть мужчиной, который успевает все.

– Прости, – вновь говорю я, поджав губы.

– Ты так и не приехал в прошлые выходные, хотя клялся, что сделаешь это.

Я стукнул ладонью по лбу, вспомнив, что выходные потратил на вечеринку. Я бываю на них редко и не до самого конца, но в тот раз я не стал, как обычно, прятаться в своей комнате.

– Обещаю сделать это в ближайшие выходные.

– Думаешь, я тебе поверю?

– Мам, – выговариваю я самым сладким голосом. – Я люблю тебя.

Мне даже видеть ее не надо, чтобы понять, как она тает.

– Я тоже люблю тебя, милый. Кстати! Я звоню не только для того, чтобы поругать тебя, но и чтобы… чтобы сообщить, возможно, плохую новость.

Все внутри меня напрягается. Кажется, я догадываюсь, с чем она связана. Об этом я никому никогда не говорил. Даже Лане.

– Когда? – хриплым голосом спрашиваю я.

– В следующем месяце, – отвечает мама.

Мой брат Джез выходит из тюрьмы, а значит, пришел конец моей спокойной жизни.

* * *

В воскресенье, в самый разгар вечеринки, ко мне в комнату залетают две девушки. Увидев меня сидящим в кресле-качалке, в очках и с Мопассаном в руках, они смущаются, но извиняться и уходить не спешат.

Заложив пальцем страницу, я закрываю книгу и смотрю на непрошеных гостей, ожидая, когда кто-нибудь из них произнесет хотя бы одно слово.

Это две блондинки, и на раскрепощенных девиц они совсем не похожи. Легкий румянец на их щеках видно даже в приглушенном свете настольной лампы. Обе одеты скромно, но макияж яркий. Что я очень не люблю.

– Добро пожаловать, девочки! – поднимаясь, говорю я.

– Мы… мы искали туалет, – начинает оправдываться одна из блондинок, заикаясь, пока я убираю на полку «Милого друга». Вторая тем временем пытается хихикать как можно тише.

– Можете воспользоваться моим, – сладко улыбаясь, предлагаю я, указывая на дверь около огромной кровати.

– С-спасибо, – опустив голову, говорит все та же.

– Иди, я после тебя, – шепчет вторая ей на ухо, не отводя от меня взгляда.

Меня озаряет: одна из них не такая уж и скромница, какой показалась изначально.

Подружка кивает и быстрым шагом преодолевает расстояние от входа до двери в ванную.

Когда мы остаемся наедине с блондинкой-номер-два, я опираюсь плечом на полку и жду, когда гостья начнет флиртовать. В последнее время мне попадаются слишком предсказуемые девушки.

– Ты – Блейн, верно? – спрашивает она, словно не знает,

подходя ближе и проводя тонким указательным пальчиком по корешкам книг.

– Откуда тебе известно? – подыгрываю я.

– Я знакома со всеми «братьями». Кстати, меня зовут Кортни.

– «Сестричка»?

– Бывшая, – кивает Кортни.

– Почему?

– Меня выгнали, – улыбается она.

Когда Кортни оказывается за моей спиной, я поворачиваюсь, и мое дыхание тут же обжигает ее щеку. Мы стоим очень близко друг к другу. Любуясь ее профилем, я наблюдаю за тем, как она читает название книги, а затем достает ее и рассматривает обложку.

– «Три товарища»! Моя любимая книга! – Ее восторг выглядит довольно искренним. – Ты давно ее прочитал? – посмотрев на меня горящими от любопытства глазами, спрашивает она.

Забрав томик из ее рук, я, не отрываясь от обложки, отвечаю:

– Нет, остановился на моменте, где Готтфрид говорит Фердинанду, что самая тяжелая болезнь в мире – это мышление и что она неизлечима.

– Хочешь скажу, что будет в конце?

– Предпочту узнать сам, – отвечаю я и поджимаю губы.

Ее подруга выходит из ванной. Кортни выглядит так, слов-

но не желает уходить, но делать нечего, поэтому они благодарят меня, прощаются и покидают комнату.

Я уже собираюсь обрадоваться, что вновь остался один, когда дверь вновь распахивается и на пороге появляется пьяный Дез.

– Она слишком настырная, – шипит он, падая на кресло рядом с окном.

– Кто? – спрашиваю я без особого интереса и, подходя к тумбочке, меняю часы на кожаный толстый браслет, который есть у каждого из «братьев».

– Хейли! – восклицает Дез. Как только это имя срывается с его губ, я поворачиваюсь к другу с вопросительным взглядом. Мотнув головой, он злобно выпаливает: – Что?

– Не рычи на меня! – раздраженно бросаю я. – Я не виноват, что она тебе не по зубам. Почему ты так часто о ней говоришь? Столько времени прошло с вашей так называемой дружбы!

– Она похорошела.

– И что? На вечеринке, в университете, да и вообще во всем Нью-Йорке достаточно красоток! Почему именно она?

– Хейли замкнутая.

– И что теперь?

– Черт, Блейн, включи мозг! Ты мой лучший друг, я тебя обожаю, но, если бы ты не был скрытным, таким а-ля Джеймс Бонд, я бы не сблизился с тобой! Мне нравятся мрачные засранцы! Они интересные. И Хейли тоже интересная.

– Джеймс Бонд? Ты серьезно? Тебе стоит прекратить пересматривать его, потому что ты начинаешь бредить, – качаю головой я, а затем, распахнув шкаф, достаю полотенце. – Я в душ, тебе что-то еще надо?

– Помоги мне притащить ее задницу на гребаную вечеринку, – жалобно произносит он, после чего стонет от отчаяния и откидывает голову на спинку кресла.

– Разбирайся с этим сам, дружище, – хмыкаю я и захожу в ванную.

Приняв душ и смыв с себя остатки тяжелого дня, я возвращаюсь в комнату, обмотав одно полотенце вокруг торса, а вторым вытирая голову. Я планировал лечь в постель, потому что завтра предстоит тяжелый день, но, подняв голову, замечаю Деза, по-прежнему сидящего на кресле с невозмутимым видом.

– Я вспомнил, зачем зашел к тебе. Это касалось не только Хейли, – говорит он. – Мы должны съездить с тобой за пивом. Оно заканчивается, а вечеринка в самом разгаре.

– А самому не вариант?

– Нет, я выпил, – отвечает Дез и встает. – Я буду ждать в твоей машине.

По пути к выходу он хватает ключи, лежащие на столике рядом с дверью.

* * *

Мы едем в сторону ближайшей лавки, где продают только пиво. Смотря на дорогу, я слушаю Деза, который жалуется на все, что ему не нравится. Он вновь жалеет, что разошелся с Хейли. Разговор плавно переходит к обсуждению его татуировки. Чтобы сделать половину, нужно снова посетить в следующую субботу тот же тату-салон, только Дезу придется взять с собой кого-нибудь другого, потому что я намерен навестить мать.

– Я видел, как из твоей комнаты выходили две хорошенькие блондинки. Объяснишь? – вдруг задает вопрос друг.

Я тут же честно отвечаю:

– Они искали туалет.

– Он же находится прямо напротив твоей двери и там написано большими буквами «ТУАЛЕТ».

– Да, это я помню, – отвечаю я, и мы оба заливаемся громким смехом.

Мне даже показалось, что Кортни подговорила свою подругу прикинуться дурочкой, чтобы она сама смогла немного повеселиться со мной. Что ж, если бы не блондинка-номер-один, я бы, наверно, был не против.

– Порой я удивляюсь, на что готовы пойти девушки ради встречи с парнем, который им нравится.

– А еще меня удивляет то, как они выкаблучиваются в

присутствии парня, который им нравится. Неужели девушки не понимают, что выглядят в такой момент глупо? – поддерживаю я.

– Тормози! – кричит во весь голос Дез, и я, испугавшись, вжимаю ногу в педаль тормоза.

Тяжело дыша, смотрю сначала на Деза, а затем туда, куда он. За лобовым стеклом виднеется знакомое лицо. Мои глаза распахиваются, а рот обретает форму «О».

По ту сторону капота стоит Хейли, а за ней – шокированный полицейский.

Моргнув, я вижу боковым зрением, как Дез хватается за ручку, собираясь выйти, но не успевает он открыть дверь, как девчонка срывается с места. Полицейский, даже не бросив взгляда на нашу машину, гонится за ней.

Я, все еще шокированный, не знаю, что сделать: нажать на газ или выйти и подышать свежим воздухом. Понимая, что чуть не сбил человека, начинаю дрожать. Чувствую, как что-то капает мне на джинсы. Опустив голову, при свете уличного фонаря, ныряющего в салон машины, я понимаю, что это кровь. Дез тоже это видит и начинает меня успокаивать.

– Дыши. Дыши глубоко, – как мантру, повторяет он, одновременно прикладывая к моему носу платок, найденный в бардачке. – С ней все в порядке.

Он не знает, почему у меня припадок, но я рад его поддержке.

Что, если бы я не успел затормозить? Если бы Дез не за-

орал? Меня начинает трясти сильнее, как бы я ни пытался успокоиться, ничего не выходит. Меня одолевает страх того, что я чуть не угробил человеческую жизнь. Смог бы я жить с кровью на руках?

– Я чувствую, как ты мысленно паникуешь, – снова раздается голос Деза. – Нужно это прекратить, не то вся твоя паршивая кровь выйдет через нос. Я серьезно, чувак.

– Сядешь за руль? – сипло прошу я, посмотрев на друга.

– Мои права остались дома, да и я немного выпил.

– Не уверен, что полиции будет до тебя дело, – говорю я, мягко намекая на то, что сейчас копы бегают за Хейли.

– Ладно, давай попробуем.

Продолжая держать платок у носа, съезжаю на обочину, выхожу и огибаю машину. Прежде чем сесть, достаю пачку сигарет из кармана толстовки, расстегиваю на одежде молнию и закуриваю.

Сделав первую затяжку, ощущаю, как по телу волной проходит спокойствие.

– Кинь зажигалку, – просит Дез, стоя около водительской двери.

В скором времени мы сидим на капоте автомобиля и смотрим вдаль Пустынной улицы. Где-то начал фыркать кот, а затем послышался звук ударившегося о землю мусорного бака.

– Нью-Йорк не так крут, как кажется, – говорю я и выкидываю платок в ближайшую урну, убедившись, что кровь больше не идет.

– Никогда не мечтал здесь жить, – отвечает Дез и выдыхает струйку дыма.

Когда последняя затяжка сделана, я уже полностью спокоен и пытаюсь не вспоминать то, что случилось ранее.

Дез водит хорошо, но временами слишком быстро. На «лежащих полицейских» я подскакиваю на сиденье. Такими темпами мы доезжаем до пивной лавки очень быстро. Пока друг что-то перетирает с продавцом, я смотрю на обоих сквозь лобовое стекло.

Вот кассир кивает Дезу, затем берет деньги и скрывается в глубине магазинчика. Парень поворачивается ко мне и показывает «класс». Значит, все прошло отлично.

По дороге домой за руль снова садится Дез, так как я хоть и пришел в себя, сесть за руль пока не могу.

Я благодарен другу за то, что он никогда не спрашивает, из-за чего я часто нервничаю так сильно, что из носа бежит кровь. Именно поэтому я сблизился с ним.

Притормозив на светофоре, он достает телефон и начинает что-то набирать.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Пишу Хейли, – бурчит он.

– Зачем? – Мои брови сдвигаются на переносице.

– Хочу узнать, что это было. – Отправив сообщение, друг поднимает голову, но тут же опускает ее, услышав звук уведомления. – Бегать от копов – это часть ее жизни.

– А почему она от них бегает, не пояснила? – Мне дей-

ствительно интересно узнать.

– Нет.

Кажется, я начинаю понимать, что привлекает Деза в Хейли. Мы с ней чем-то похожи. Наверное, тем, что рассказываем о себе столько, сколько хотим, не больше и не меньше. Если Дез не пытался залезть мне под кожу, это не значит, что он не пробует залезть под чужую. Иногда чаша с любопытством перевешивает, и тогда человек начинает делать все, чтобы она вновь выровнялась.

У Деза эта чаша, похоже, как раз таки переполнилась, вот только выровнять он решил ее не за мой счет. А с помощью девушки, которая училась со мной в школе и которая, кажется, тоже живет во мраке. Неспроста она закрыла свою душу на замок.

Оттенок третий

Хейли

Идя по коридору, мы с Рамоной обсуждаем то, что приключилось на выходных.

Случай с полицейскими никак не выходит из головы, плюс я не могу забыть, как меня чуть не сбили Дез с Блейном. Уже почти конец учебного дня, но я еще ни разу не встретила эту парочку, что неудивительно, если вспомнить количество учащихся в университете.

Завернув за угол, мы подхватываем Зака, случайно столкнувшегося с нами, и направляемся в заднюю часть университета, где уже собралась половина студентов.

– Я думаю, что уже со следующих выходных мы сможем продолжить наше маленькое развлечение, – говорит Рамона, толкнув массивные двери.

– О чем речь? – спрашивает Зак, покосившись на нас.

– Мы решаем, когда вновь сможем заняться рисунками, – начинаю объяснять я. – Как по мне, лучше отсидеться пару недель, а только потом выходить. Полицейские не дураки, они могут начать охоту на нас.

– Намекаешь на то, что наша жизнь может стать чуть интересней? – с большим энтузиазмом интересуется друг.

Прежде чем спуститься по бетонным ступеням, я поворачиваюсь к нему и выпаливаю:

– Нет, тупица, я намекаю на то, что мы можем оказаться в полнейшем дерьме, если полиция нас вычислит.

Зак закатывает глаза, но спорить не решается, потому что понимает – я права. Возможно, носиться от копов круто, адреналин щекочет нервы и все такое, но вот возможный арест не кажется таким заманчивым.

Направляясь к столикам, расположенным недалеко от стадиона, мы резво перепрыгиваем лужи, оставшиеся после ночного дождя.

Увидев большую лужу, я пропускаю друзей вперед, потому что места для прыжка мало, и, когда собираюсь оттолкнуться, неожиданно поскальзываюсь на грязи и лечу вниз в ожидании столкновения моей головы с водой.

Но этого не происходит.

Словно в любовном романе, меня подхватывают две руки, не давая мне упасть. Выпрямившись, я хватаю спасителя за бицепс и тяжело дышу.

Низкий, глубокий голос говорит мне на ухо, сладко и медленно растягивая слоги:

– Осторожнее.

После этого меня отпускают, и спаситель проходит мимо испуганной меня. В человеке я сразу же узнаю Блейна. Тихого, но внушающего опасность Блейна Телтфорда.

Он ловко перепрыгивает лужу, а я все так же стою на ме-

сте, словно приросла к земле, любуясь каждым его движением. Походка Блейна ровная и уверенная, в какой-то мере полна изящества. Наверное, если бы не его излишняя замкнутость, он бы с легкостью мог стать чьим-либо воздыхателем.

Моргнув, я перевожу взгляд на друзей, которые тоже следят за Блейном.

Посмотрев на меня, они говорят быстрее перебираться на их сторону, и, когда я это делаю, никто из нас не комментирует произошедшую ситуацию.

Выбирая столик, я не могла не бросить взгляд на компанию из четырех «братьев» и Амелии, восседающей на коленях Ника и широко улыбающейся. Через секунду все взрываются громким смехом. Внутри меня разрастается зависть, но я тут же одергиваю себя, понимая абсурдность этого чувства. Завидовать другой компании как минимум некрасиво по отношению к собственной.

Мы устраиваемся за столиком неподалеку от автоматов с напитками. Достав из рюкзака перекус, мы возвращаемся к обсуждению нашей маленькой тайны.

– Мне пришла в голову идея, – проглотив пищу, начинает говорить Зак. – Следующим мы хотели раскрасить университет, правильно? – Мы с Рамоной киваем. – Ну так вот. Почему мы должны отсиживаться? Просто, если подумать, универ находится прямо рядом с общежитиями, поэтому нам не составит проблем беспалевно смыться.

– Наоборот, это как раз таки очень проблематично, – говорю я. – Если что-то пойдет не так, полиция будет знать, где нас искать. Понимаешь, о чем я?

– Черт, не подумал, – тихо ругнулся Зак.

– Да ладно, время быстро пролетит, потерпим чуток, а потом в бой. Как раз за две недели придумаем, что нарисовать, – вступает в разговор Рамона.

Я хочу ответить, но замечаю, как друзья напрягаются и смотрят мне за спину.

Обернувшись, я вижу, что к нашему столику направляется Дез. Что ему надо? Почему он так часто начал мелькать перед моими глазами?

Остановившись рядом, он кладет ладонь на стол около моей руки, а вторую на спинку моего стула.

– Привет, ребят! Как дела? – обращается Дез к моим друзьям, но сразу понятно, что он сделал это только для вида и отвечать не обязательно.

– Можно тебя на пару слов? – нагнувшись, шепчет он мне на ухо.

– А если я скажу «нет»? – посмотрев на него, интересуюсь я. В ответ парень всего лишь улыбается, и я понимаю, что лучше все-таки пойти и узнать, что он хочет.

Извинившись, я поднимаюсь и прохожу мимо Деза, который следует за мной. Любопытство бурлит внутри меня, и я пытаюсь понять, зачем я сдалась Дезу спустя столько времени.

Оказавшись в недосягаемости от посторонних, я опираюсь на бетонную, все еще холодную после дождя стену и жду, когда из-за угла выйдет Дез.

Остановившись напротив, он смотрит на меня и, выдержав паузу, говорит:

– Мне нужна твоя помощь.

Его слова чуть не сбивают меня с ног. Я не знаю, что сделать: захохотать во все горло или убежать. Заявление неожиданное и довольно сильное, если судить по тому, как красиво и бесцеремонно он кинул меня в прошлом.

Не удержавшись, я спрашиваю:

– Какая?

Когда Дез рассказывает, в чем заключается помощь, я все-таки начинаю смеяться. Он просит меня помочь с одним предметов, который по случайности мы оба проходим.

– Ты же помнишь, что мы на разных курсах? – выгнув бровь, спрашиваю я.

– Да, отлично помню.

– А что мне будет за эту услугу?

Если честно, я уже знаю, что откажусь. Но кто сказал, что нельзя показать фальшивую заинтересованность?

– Все, что пожелаешь, – вполне серьезно отвечает Дез.

Оттолкнувшись от стены, я уже собираюсь покачать головой и послать его к черту, когда вдруг кое-что заставляет меня остановиться и посмотреть на Деза.

– Твой папа ведь занимает высокую должность в поли-

ции? – Он кивает. – Я помогу тебе только в одном случае.

– Надо замять какое-то дело? – тут же спрашивает он, наверняка вспомнив, как я врезалась в них с Блейном.

– Нет. Я хочу, чтобы полиция нашего района не трогала уличных ночных художников.

Растянув губы в улыбке, Дез смотрит на меня исподлобья и говорит:

– Я прекрасно тебя понял, Хейли.

* * *

Я получаю сообщение от Деза ближе к четырем часам следующего дня. По его словам, теперь ночные художники вольны делать то, что хочется их мрачным душонкам. В постскриптуме парень указывает адрес, как будто я не знаю, где находится дом братства, и говорит, чтобы я пришла сегодня в шесть.

Сначала я хочу отказаться, но понимаю, что раз он выполнил просьбу, значит, я обязана вернуть долг.

Откинув телефон, я борюсь с желанием застонать от досады, ведь мне совершенно не хочется общаться с бывшим другом. Вместо этого я могла бы провести время с пользой. Тем более мне выпал редкий шанс позависать одной, так как Лана ушла, сказав, что не придет раньше полуночи.

Закрыв лицо руками, я потираю пальцами веки, а затем вскакиваю с кровати так резко, что в глазах мутнеет на па-

ру секунд. По дороге к шкафу я снимаю футболку и штаны, оставляя их валяться дорожкой на полу.

Переодеваясь, я умудряюсь одновременно кидать в рюкзак нужные конспекты. Это каким-то образом занимает полтора часа моего драгоценного времени.

К шести часам я уже подъезжаю к дому братства, но выходить из автомобиля не спешу. Вместо этого я сижу внутри, постукивая ногтями по рулю. Я ни разу не была внутри, но этот адрес известен чуть ли не каждому студенту в Нью-Йорке.

Ходит слух, что здесь устраивают самые запоминающиеся вечеринки.

Подняв голову, я рассматриваю окна, веранду, входную дверь и ровный газон. Что-то пугает меня в этом месте. Наверное, тот факт, что я буду здесь одна в окружении горячих парней. Что ж, многие девчонки могли бы мне позавидовать.

Вдохнув побольше воздуха, берусь за ручку машины и открываю ее. Свежий вечерний воздух тут же залетает внутрь.

Хлопнув дверью, я поправляю края футболки и уже собираюсь сделать шаг в направлении дома, когда вдруг меня окликает голос, который невозможно забыть:

– Поражаюсь твоему стилю.

Повернувшись, я вижу Блейна, сидящего на капоте машины, припаркованной неподалеку, и покуривающего сигарету.

– Ты имеешь что-то против моего стиля? – спрашиваю я, выгнув бровь. Внутри вспыхивает желание посмотреть на

себя и понять, что именно ему не нравится.

– И разговариваешь ты паршиво, – игнорируя вопрос, продолжает он выражать свое недовольство.

Думая, что лучшим вариантом будет безразличие, я отворачиваюсь и иду к двери, но Блейн снова начинает говорить:

– Такие формы я бы скрывать на твоем месте не стал.

Я застываю, потому что на этот раз голос звучит очень близко. Мои глаза расширяются. Повернув голову, я встречаюсь со взглядом хищника. Блейн источает волны опасности.

– После тебя, салага.

Салага? Хочу возмутиться, но, ощутив горячее прикосновение руки на пояснице, я захлопываю чуть приоткрытый рот. А ладонь Блейна тем временем опускается еще ниже и подталкивает меня к двери.

Люди с обжигающим взглядом, оказывается, еще и нахальные бесстыдники.

Я против собственной воли спрашиваю у Блейна, где могу найти Деза. Чему-то ухмыльнувшись, он проходит мимо и велит следовать за ним. Поднимаясь, я не встречаю ни души, что меня радует. Не хочу, чтобы у кого-то появились шальные мысли, а это вполне возможно.

Мы бредем по коридору второго этажа и останавливаемся только в самом конце, перед темной дверью. Махнув рукой, Блейн говорит, что Дез находится прямо за ней, после чего разворачивается и уходит. Я наблюдаю за удаляющейся фи-

гурой до тех пор, пока она не скрывается за дверью напротив туалета.

Посмотрев перед собой, я чувствую себя чертовски неуверенно и безумно хочу свалить отсюда, но прежде чем я успеваю как следует поразмыслить, дверь распахивается и передо мной возникает улыбающийся Дез. Он словно чувствовал, что я нахожусь по другую сторону.

– Заходи, не стесняйся, – произносит он, отступая.

Тихо поблагодарив, я делаю неуверенные шажки вперед и останавливаюсь у кресла.

Дез забирается на кровать и ведет себя беззаботно, словно и не обижал меня. И я завидую его легкости, потому что сама тем временем мысленно содрогаюсь.

Сняв рюкзак, я кладу его на кровать, а после сажусь, сложив по-турецки ноги. В воздухе витает неловкость, но, кажется, ощущаю ее только я. Дез привлекателен и прекрасно владеет собой, в отличие от меня, поэтому ему совершенно не о чем беспокоиться.

Мы выписываем все темы, которые ему не даются, и, пробегая по ним взглядом, я понимаю, что нас ждет нечто трудное. Дез не знает и половины предмета.

Почесывая затылок, я начинаю объяснять первую тему, но по его нахмуренным бровям понимаю, что он не может сообразить, о чем я толкую.

– И как ты умудрилась понять этот предмет с самого начала, – качая головой из стороны в сторону, говорит Дез.

– Я просто не тратила время на глупые развлечения на первом курсе, – пожав плечами, отвечаю я.

– Ну да, ты же вся такая правильная малышка.

Я чувствую, как по моему телу прокатывается волна дрожи. Дез, похоже, даже не догадывается, как лишь одна его фраза подействовала на меня. Я погрузилась в воспоминания, от которых сначала сладко заныло сердце, а потом пришла боль.

Чтобы окончательно не улететь в облака, я откашливаюсь и продолжаю объяснения. Когда Дез начинает хоть что-то понимать, дверь распахивается, и мы оба поднимаем головы.

На пороге стоит Блейн с тетрадью в руках.

– Чувак, что ты здесь делаешь? – сведя брови на переносице, интересуется Дез.

– Решил присоединиться и получше узнать предмет, который вы тут обсуждаете, – отвечает Блейн и, захлопнув дверь ногой, подходит к кровати. – Двигайся, салага, – обращается он ко мне, и я в буквальном смысле вспыхиваю, залившись румянцем.

– Салага? – удивленно произносит Дез. – Ты хоть знаешь, что значит это слово?

– Прекрасно знаю, – кивает Блейн.

– Тогда почему называешь ее так?

– Просто нравится. На чем вы остановились?

Находиться в компании Деза нелегко, но общество Деза и Блейна куда тяжелее. От моего внимания не ускользнуло

то, как парни обмениваются взглядами, которые мне не по силам разгадать. Они что-то безмолвно обсуждают, и надеюсь, не меня.

Больше всего на свете мне хочется убежать из этого дома, в прямом смысле выпрыгивая из штанов. Смущенная присутствием двух горячих парней рядом, я запинаюсь и слишком часто откашливаюсь, пытаясь придать голосу былую твердость и уверенность.

Судя по тому, как Дез опускает голову и ухмыляется, оба прекрасно понимают, что их поведение заставляет меня нервничать. Я никогда не была в подобной ситуации, поэтому не могу расслабиться.

Извинившись, я говорю, что мне надо в туалет, и спрыгиваю с кровати. Стараясь как можно спокойнее подойти к двери, а не лететь к ней, как к спасательному кругу, я пару раз спотыкаюсь о собственную ногу, отчего краснею еще сильнее. Прежде чем выйти из комнаты, я слышу, как Дез кричит мне вдогонку, что никто меня не укусит.

Оказавшись в коридоре, я едва не падаю. На меня в буквальном смысле налетела редактор университетской газеты Амелия Картен. Извиняясь, она понеслась дальше, взвизгивая и смеясь. Следом за ней тут же пробежал один из «братьев». Это был Ник. Он направился в комнату, в которую залетела Амелия, потом стало тихо, а после я услышала вскрик и низкий смех Доминика.

Внутри меня вновь вспыхнуло знакомое чувство. Опять

ненавистная зависть. Но так просто избавиться от нее я тоже не могу. Где-то в глубине души я мечтаю быть как Амелия, хочу иметь такие же отношения.

Покачав головой, отворяю дверь туалета и вскрикиваю от неожиданности. Около большой раковины стоит Джаред Блеф с полотенцем вокруг бедер и с бритвой в руках. На щеках и на шее видна пена для бритья. В этом доме принято так делать?

– Привет, – спокойно говорит Джаред, бросив на меня взгляд через зеркало. Он совершенно спокоен, и ему нисколько не стыдно находиться в таком виде перед незнакомой девушкой.

– П-привет, – заикаюсь я.

Кажется, моему смущению уже нет предела, но оказывается, на моем теле еще осталось место, которое может покраснеть. Мне никогда не было так стыдно.

– Хочешь воспользоваться туалетом? – выгнув бровь, спрашивает Джаред. Я киваю, хотя на самом деле пришла сюда для того, чтобы просто передохнуть. – Не стесняйся, – говорит парень, кивнув в сторону унитаза.

Мой рот открывается от удивления. Он думает, что я способна сделать такое при нем? Неужели в братстве все такие… Как сказать? Бесстыдные. Беззастенчивые? Какая разница, смысл-то один.

Я подхожу ко второй раковине рядом с Джаредом и поправляю волосы, мою руки, все, что угодно, лишь бы пере-

стать ощущать удушающую неловкость. Желание покинуть этот чокнутый дом никуда не делось. Теперь я безумно рада, что никогда не приходила сюда. Все здесь какое-то… ненормальное. Хотя дело даже не в доме, а в его обитателях.

– Хейли, правильно? – вновь раздается голос Джареда. Я поворачиваю голову в его сторону так резко, что удивляюсь, как не свернула шею. Сглотнув, киваю. – А языком?

– Что – языком? – непонимающе спрашиваю я. Джаред выглядит так, словно еще чуть-чуть, и взорвется диким хохотом. Чувствую себя идиоткой.

– Работать им умеешь?

– Меня зовут Хейли, – пищу я, словно кукла, а мои глаза расширяются. – Мне пора! – и вихрем вылетаю из комнаты. Никогда больше не зайду в этот чертов туалет.

Повернув вправо, я сталкиваюсь с кем-то и тут же падаю. Покачав головой, смотрю наверх и вижу парня. Черт побери, сколько приключений за несколько минут!

Однако вместо самодовольства я вижу широкую дружелюбную улыбку на лице, за которое поборолся бы любой скульптор. Протянув руку, незнакомец продолжает улыбаться.

Я принимаю помощь.

– Привет. Я… – Не успевает парень закончить, как его перебивает уже знакомый мне грубый голос.

– Проваливай, Кэс, – говорит Блейн, опершись плечом о стену и сложив внушительного размера руки на груди. Мне

редко доводилось видеть качков, поэтому Блейн казался мне очень большим.

– Ты не можешь меня ненавидеть слишком долго, – рычит Кэс и поворачивается в сторону Блейна так резко, что задевает меня рукой, и я снова падаю. – Черт, прости, малышка.

Когда Кэс протягивает ладонь, я хочу принять его помощь во второй раз, потому что понимаю, он толкнул меня случайно. Но вдруг Блейн отдергивает руку Кэса и протягивает мне свою. Когда я вкладываю свои пальцы в его, не могу не заметить, что его кожа намного теплее и грубее, чем у Кэса.

Как я поняла, враг Блейна ухмыляется и, желая нам всего доброго, подмигивает мне и скрывается за углом.

– Оказывается, ты еще у нас и девочка-приключение, салага, – с неподдельным весельем шепчет мне на ухо Блейн.

Я поворачиваюсь к нему и сквозь зубы говорю:

– Перестань меня так называть! Мне двадцать два года!

– Дез ждет, – отвечает Блейн, и я поспешно направляюсь в сторону его комнаты и, когда дохожу до двери, слышу: – Салага.

Рыкнув себе под нос, захожу к Дезу, который сидит на кровати и внимательно читает мои конспекты. Кажется, я не видела картины милее, чем красавчик, занятый учебой. От воспоминаний о нашей дружбе и от развернувшейся передо мной картины по венам разливается тепло, и тогда я понимаю, что действительно скучала по Дезу Деррилу Вайлчману.

– Деррил, – шепчу я. Мне показалось, что я сказала это тихо, но судя по тому, как Дез резко поднял голову, мои слова прозвучали достаточно громко.

– Никто, кроме тебя, не называет меня вторым именем, – без тени веселья произносит Дез. – Пожалуйста, не делай так больше. Зови как угодно, только не Деррил. Я объяснял, что это имя умерло вместе… – Фраза обрывается и остается недоговоренной.

– Хорошо, – всего лишь отвечаю я, прекрасно его понимая.

Несмотря на то, каким веселым пытался казаться Дез, я знаю, что шрам у него не только на спине, но и глубоко внутри. В самом сердце.

* * *

В комнате общежития меня уже поджидает Лана со своей фирменной выгнутой бровью. Серьезно, у этой девушки самые шикарные брови, которые мне когда-либо доводилось видеть. Она лежит на кровати, волосы собраны в пучок, в руках книга Эрнеста Хемингуэя.

– Это моя книга, – говорю я, указывая на нее пальцем. Лана, как никто другой, знает, что я просто ненавижу, когда трогают мои вещи.

– Ты ведь дочитала ее еще несколько дней назад, – невинным тоненьким голоском произносит она.

– Лучше бы ты взяла Арментроут! – ворчу я. – Это первое издание, мне пришлось растоптать ступни в кровь, чтобы заработать на него. Я откладывала деньги с пятнадцати лет!

– Да-да, и потом твоя мама добавила тебе еще несколько тысяч баксов. Слушай, отец перед смертью оставил тебе немаленькое количество денег, зачем ты работала, если могла позволить себе этот кусок бумаги с буквами без усердного труда?

– Я не собираюсь тратить наследство без нужды. Я хотела купить эту книгу сама. Идти к цели самостоятельно намного интереснее, чем использовать готовые средства на получение желаемого, – всего лишь отвечаю я, надеясь, что соседка поймет меня правильно.

– Ясно, – немного помолчав, говорит Лана и, повернув голову к книге, бурчит: – Я буду аккуратна.

Когда я решаю, что наш самый долгий разговор в жизни окончен, она спрашивает:

– Где ты, кстати, была?

– А что? – слишком поспешно выпаливаю я.

– Просто обычно тебя нет по субботам и воскресеньям, – пожимает плечами Лана. – Тусовалась со своими друзьями-лузерами?

– Они не лузеры, Лана, – скрежещу зубами я.

– Признаю, Зак красавчик. Но разве тебе не скучно с ними? Не хочется сходить, например, на вечеринку?

Лана никогда не обращалась ко мне с подобными расспро-

сами, и поэтому я всеми силами пытаюсь понять, что же ей нужно и с чего такой интерес к моим товарищам.

– Нет, – твердо отвечаю я и скрываюсь за дверью ванной комнаты. Сев на крышку унитаза, перевариваю все, что сегодня случилось.

Должна признать, что день вышел насыщенный. Местами, я бы даже сказала, безумный. Мне и в голову не могло прийти, что я когда-нибудь переступлю порог дома братства и буду сидеть в компании смущающих меня парней.

После того как я назвала Деза вторым именем, его веселое настроение улетучилось и больше не появлялось. В какой-то мере мне было стыдно, но в то же время я была рада так его назвать. Что-то было в его втором имени родное… знакомое… близкое моему трепещущему сердцу.

Блейн, к счастью, больше не появлялся в комнате Деза, в его присутствии я чувствовала себя особенно неловко.

Я думала, что после того как парни чуть не сбили меня, посыпятся вопросы, требования развернутого ответа. Но ничего такого не было. Никто из них не вспоминал о том случае, за что я очень благодарна, несмотря ни на что.

Однако по взгляду Деза было несложно понять, что он догадался – я одна из ночных художников.

Оттенок четвертый

Блейн

Проливной дождь. Но я собираюсь с силами и выхожу, зная, что промокну. Зонтик сломался, а новый купить я не в состоянии, поэтому, когда я преодолел расстояние между дверью и машиной, меня можно было смело брать и отжимать в стиральной машинке.

Сегодня день визита к матери. После насыщенной недели я даже рад побывать в ее тихом домике за городом. Однако не уверен, что по-настоящему смогу отдохнуть, ведь нам предстоит долгая и нужная беседа о том, что делать с Джезом.

Брата посадили за то, что он пристрелил одного парня во время драки. Джез всегда был психом, и мы постоянно с ним ругались. Когда мне было десять, я очень сильно его боялся, потому что брат грозился меня избить за любую оплошность.

Джез Телтфорд старше меня всего на три года. Как по мне, это не так уж много. Про него почти никто не знает. Мне никогда не хотелось рассказывать о брате-убийце, которого я даже не считаю членом своей семьи. Тем более о нем вообще знать никому не обязательно.

Открыв багажник, я закидываю туда спортивную сумку, в

которую я сложил немного одежды. Черная футболка и черные джинсы прилипли к телу. Ненавижу ощущения мокрой одежды на коже. Придется зайти домой и переодеться.

Сев в машину, я подгоняю ее к самому крыльцу и, когда выхожу, сразу же оказываюсь под пластмассовым навесом, по которому хлещут крупные капли дождя. Зайдя в дом, я натыкаюсь на Ника, который собирается выйти на улицу.

– Ты промокнешь прежде, чем доберешься до автомобиля, – говорю я другу, снимая кроссовки.

– Черт! – ругается он. – Где ты припарковался?

– Прямо у крыльца.

– Довезешь меня до общежития? – спрашивает Ник, перекидывая ключи от машины в другую руку.

Сказав ему ждать в машине, я быстро добираюсь до своей комнаты и вскоре уже снимаю с себя мокрую одежду, меняя ее на сухую. Кинув взгляд на свое отражение, я подхожу к пустому шкафу, примостившемуся между окном и кроватью, и открываю дверцы.

Высматриваю слова, которые помогут мне держать себя в руках в эти выходные. Я не хочу, чтобы у меня пошла кровь только потому, что сильно перенервничал из-за брата. Мы с мамой обязательно поговорим на эту тему, и хочу быть к этому готов.

Пробегая глазами по стенке шкафа, я нахожу то, что мне надо, и, взяв маркер, обвожу слова, внимательно вчитываясь в них, проникая в смысл написанного.

«Сильнее всех – владеющий собою. Сенека». Сильнее всех – владеющий собою…

Сильнее… Всех…

Владеющий… Собою…

Владей собой, Блейн. Не нервничай и помни, что все проблемы решаемы. Не смей выходить из себя. Не смей думать о том, что будет, когда Джез окажется на свободе. Делай вид, что ничего не случилось. Проблемы надо решать по мере их поступления. Ни днем, ни минутой, ни секундой раньше.

Глубоко вдохнув, я прикрываю глаза и, открыв их вновь, еще раз читаю фразу, закрываю шкаф и ухожу.

Ник ждет меня, как и договаривались. Без лишних слов я сажусь на водительское сиденье, слегка промокнув, потому что навес не доходит до двери со стороны водителя.

Направляясь в сторону университета, я замечаю, как Ник изредка бросает на меня взгляд. Я знаю, что он хочет что-то спросить, и знаю, что его вопрос мне не понравится, поэтому пытаюсь сделать вид, словно не вижу, как Ник пытается привлечь мое внимание. Не люблю, когда меня хотят узнать лучше. Друзья уже должны были это уяснить. Я не буду рассказывать о себе и своих проблемах, мыслях даже под дулом пистолета.

До университета совсем близко, но мне кажется, что время чертовски тянется. У меня никогда не получается быть полностью умиротворенным именно в присутствии Ника и Джареда. Хоть они мои лучшие друзья и по совместитель-

ству «братья», что-то вызывает необъяснимый дискомфорт, когда мы остаемся один на один. Что-то их отличает от Деза, в компании которого я могу полностью расслабиться. Странно, но я бы отдал многое, чтобы на месте Ника сидел Дез.

– И долго ты пробудешь у матери? – вдруг спрашивает Ник.

Кинув на него взгляд, я отвечаю, что вернусь завтра вечером.

– Долго до нее ехать?

– Нет, примерно три часа.

– Послушай, Блейн, вчера я слышал, как ты сказал Кэсу проваливать. И… Тебе не кажется, что пора перестать его ненавидеть? Та история с девчонкой в далеком прошлом, и тебе уже давно пора понять, что Кэс не свалит из братства. У него тоже есть друзья, и если ты хочешь, чтобы его вышвырнули, между «братьями» начнется большой скандал.

– Если бы я захотел его вышвырнуть, – мои руки крепче сжимают руль от осознания своего бессилия, – его бы давно не было в доме. Я не пойму, почему Джаред позволяет ему находиться среди нас. Да, прошло много времени, но это не значит, что Кэс перестал быть долбаной крысой.

– Если Джаред один из старших, это не значит, что он всемогущ, – спокойно отвечает Ник. Но его голос… дураку понятно, что в случае чего он будет на стороне Джареда, несмотря на то сколько всего мы прошли вчетвером.

Я больше не собираюсь мусолить эту тему. Моя ненависть

к Кэсу безгранична, и то, как он вчера смотрел на Хейли, только усилило ее. Кэс видит во всех девушках кукол для развлечений. Мне не хочется, чтобы Хейли стала одной из них. Я прекрасно знаю, что у нее есть голова на плечах, она не фанатка разгульного образа жизни, но она не знает Кэса так, как я, поэтому если у меня есть возможность предупредить ее и убедить держаться от Кэса подальше, я с радостью ею воспользуюсь.

Мне действительно нравилась Тила, и я считал, будто у нас что-то получится. Это был мой первый рывок в мир отношений, и, что тут таить, я очень расстроился, когда он оказался неудачным. Тила была милой девушкой с африканскими корнями, очень доброй девушкой. Но красота Кэса ослепила ее. Видимо, даже такие правильные девчонки падки на внешность. Хочется сплюнуть от отвращения. Если бы Тила знала, что Кэс просто использует ее, то не позволила бы ему сунуть нос в свою жизнь.

Я высаживаю Ника у здания университета. Попрощавшись, он бежит в сторону женского общежития, прикрыв голову рукой, словно это спасет его от незавидной участи промокнуть до нитки. Дождавшись, когда он скроется за углом, я еду домой.

* * *

Выговор, выговор и еще триста раз выговор.

Мать ходит за мной по пятам и говорит, что я безответственный сын. Хоть я и сказал по телефону, что буду на следующих выходных, это не значит, что я спасся от словесного пинка под зад. Мама ругает меня за то, что я про нее забыл. Конечно же, она преувеличивает. Я слишком сильно люблю ее, чтобы забыть.

Повернувшись к матери лицом, я улыбаюсь ей и притягиваю к себе. Мама очень маленького роста, поэтому ее голова достает только до моей груди. Она обхватывает меня пухлыми руками за торс.

– Как ты вырос! – бурчит она мне в футболку. – Такой красавец стал! Удивительно, что ты приехал без девушки. Ни за что не поверю, что у тебя ее нет.

Конечно, мама знала, что случилось пять лет назад. Но она не осознает, какую боль принесло мне случившееся, поэтому ей сложно понять, как я не притащил с собой девчонку.

– Как твои дела, мам? – говорю я первое, что приходит в голову, чтобы сменить тему.

Мать настолько сильно желает мне добра, что начнет рассказывать все секреты о том, как покорить сердце дамы полностью, до самого остатка.

– После того как ты приехал, стало еще лучше. Не забывай меня, сынок, ты единственный, кто у меня есть.

Я хочу спросить, а как же Джез. Несмотря ни на что, она должна его любить так же сильно, как и меня. Да, он наломал

дров, но даже если сын – сущий дьявол, это не значит, что родная мать не будет любить его, верно?

Никак не прокомментировав то, что она сказала, я прохожу в кухню, мягко разорвав объятия. Мама семенит за мной, тут же предлагая напитки и еду. Однако ни того ни другого мне совершенно не хочется. Вместо этого я начинаю задавать ей простые, бессмысленные вопросы, чтобы узнать, как она проводила дни без меня.

– До сих пор не могу понять, зачем тебе комната в братстве, когда я живу недалеко, – произносит мать, разливая душистый чай по кружкам.

– Ты же знаешь, мне бы надоело рано вставать и, не высыпаясь, ехать в университет, – в ответ говорю я, поднявшись, чтобы принять из ее рук горячую кружку. – Жить в доме братства удобнее для учебы.

Тут она не может не согласиться. Мне бы действительно осточертело ездить почти каждое утро отсюда до универа.

Хлебнув чаю, я морщусь. За время проживания в братстве я успел отвыкнуть от чая. Вставая по утрам, я заливаю в горло либо кофе, либо бутылку холодного пива. Чай в доме не водится, его никто не пьет.

– Расскажи мне, что нового произошло? Как учеба? – подперев рукой щеку и водя пальцем по каемке кружки, спрашивает мама, смотря на меня.

Она пытается отсрочить момент, когда мы начнем обсуждать Джеза, не надо быть гением, чтобы это понять. Что ж,

я подстраиваюсь под нее, собираясь дождаться, когда мама будет готова перейти к главной теме.

– Все прекрасно, три болвана по-прежнему рядом и… хорошая девушка, – говоря последнее, я, естественно, думаю о Лане.

– Как ее зовут? – улыбается мама.

– Ты же понимаешь, что мы не сможем постоянно избегать главной темы? – Я прищурился. – Мам, мы должны понять, что делать. Я боюсь, что Джез вернется, а меня не будет поблизости. Вдруг он устроит погром? Напугает тебя?

– Джез – мой сын, он не причинит мне вреда, – слишком уверенно отвечает она. Но мы оба знаем, что сказать наверняка никто не может.

– Он псих, мама.

– Не говори так. Он твой брат, и возможно, тюрьма его исправила. – Тон мамы становится резче, но ее можно понять. Она будет защищать сына даже от своего второго ребенка, если это понадобится.

Я качаю головой, понимая, что бесполезно утверждать, что ничего Джезу не поможет. Если человек совершил зло один раз, он сделает это еще раз.

– Блейн, – мама протягивает руку через стол и накрывает ею мою ладонь. Я поднимаю на нее взгляд. – Тебе не о чем беспокоиться. Да, твой брат не отсидел полный, заслуженный срок, но это не значит, что он выйдет на свободу все тем же монстром. Я уверена, Джезу худо в тюрьме и он сделает

все, чтобы только не попасть туда еще раз.

Я киваю. Что еще остается делать? Пусть мама думает, что ее старший сын нормальный, но если он хоть пальцем ее тронет, я не буду обращать внимание на крики и слезы, когда буду превращать Джеза в отбивную.

После чая и разговора о пустяках мама просит меня съездить в магазин, пока она займется ужином. Выйдя из дома, я снимаю блокировку на автомобиле, который стоит у двора, и слегка улыбаюсь, когда машина издает милый звук и подмигивает мне. Открыв водительскую дверь, я уже собираюсь сесть, когда меня окликает знакомый голос.

Повернув голову, я вижу своего старого школьного друга.

– Черт возьми! Неужели это Блейн Телтфорд собственной персоной? – широко улыбаясь, кричит парень, распахивая руки для объятия.

Похлопав его по спине, я отстраняюсь и говорю:

– Как жизнь, Ричи?

– Приехал к отцу на выходные, думаю, что до завтра сдохну со скуки, если не случится что-нибудь классное, – отвечает он, а затем смотрит мне за плечо, на автомобиль. – Крутая тачка, в таких только и возить симпатичных телочек. Куда направляешься?

– В ближайший магазин. Хочешь со мной? Расскажешь о себе, – предлагаю я, потому что с мы с Ричи не разговаривали с моего поступления в университет и я искренне по нему соскучился.

– С радостью, – потирая ладони, отвечает Ричи.

Мы выезжаем и болтаем на простую, банальную тему: что у каждого произошло, пока мы не виделись. Я пытаюсь не раскрывать слишком многое, а Ричи, наоборот, говорит то, о чем можно было бы умолчать. Этот человек никогда не отличался молчаливостью, он настоящий болтун, но я уверен, что, если бы не эта черта, Ричи бы не был таким интересным и не стал бы человеком, с которым хочется общаться.

Он поступил в один из непримечательных университетов Нью-Йорка. Каждые выходные ездит к отцу, привозя тому любимые пончики. У Ричи есть девушка, они помолвлены, и в скором времени ожидается свадьба. Хотя он уже успел с ней расстаться и сойтись вновь. На фоне его жизни моя кажется никчемной и скучной.

– А ты разве не успел найти себе хорошенькую подружку? – вдруг спрашивает Ричи. Я качаю головой, потому что ничего не могу сказать в ответ. – Ты серьёзно? Тебе же двадцать четыре! Ты ведь на год старше меня, верно?

– Мне будет двадцать четыре, – поправляю я.

– Да какая, к черту, разница. Не могу поверить, что в Нью-Йоркском университете не нашлось ни одной горячей цыпочки, привлекшей твоё внимание. – Ричи говорит это таким тоном, как будто не иметь спутницу в моём возрасте – самый большой грех. Быть может, так оно и есть.

– Все впереди, – говорю я скорее самому себе. – Лучше расскажи, как зовут твою невесту и как вы познакомились?

На самом деле мне плевать, я просто не хочу сидеть в молчании весь оставшийся путь. С Ричи я не чувствую напряжённости, наоборот, мне легко с ним. Наверное, потому что теперь мы просто знакомые и он не попытается залезть мне в душу.

– Мари, её зовут Мари. Она на полгода младше меня, и у неё потрясающие чёрные волосы. Наверное, если бы не они, я бы в неё не втрескался по уши в первый же день нашего знакомства.

Я хмыкаю:

– А когда-то ты был фанатом женских обнажённых тел. И клялся, что влюбишься в девушку, только когда увидишь её в стиле ню.

– Мне было пятнадцать. Мной управляли гормоны! – начинает оправдываться Ричи.

Не удержавшись, хохочу. В последнее время меня мало что может заставить от души посмеяться.

Я въезжаю на парковку у магазина. Мы с Ричи выходим из автомобиля и направляемся к входу. Он опять начинает рассказывать что-то не особо интересное и замолкает только тогда, когда мы входим в зал, наполненный прохладой кондиционеров.

Я кидаю в небольшую тележку все, что просила мама. Прогуливаясь между рядами, я понимаю, что ужасно хочу вернуться в город. Я люблю маму, люблю до безумия, но мне так нравится проводить дни в своей комнате, я так привык

уединяться, вдыхать одиночество, что просто не могу нормально себя чувствовать даже в компании родного человека. Не болезнь ли у меня начинается? Ведь это нехорошо. Я же хотел здесь отдохнуть.

– Я слышал, что твой брат выходит в следующем месяце, – раздается позади меня. Я закрываю глаза и делаю глубокий вздох. Сильнее всех – владеющий собою. Помни это, Блейн.

Повернувшись лицом к обратившемуся ко мне, я произношу только одно слово:

– Блэк.

Тот улыбается совершенно недружелюбно. Мы с Блэком недолюбливаем друг друга ещё со школы. Он постоянно видел во мне конкурента, но я по сей день не могу понять, почему. Я не сделал ничего такого, чтобы считать меня соперником.

– Так это правда? – спрашивает он, потянув руку к пачке молока.

– Не твое дело, – грубо, не пытаясь быть доброжелательным, отвечаю я.

Блэк издаёт тихий смешок и, прежде чем уйти, говорит:

– Может быть. Однако я надеюсь, что он выбьет из тебя все дерьмо… и из твоей мамаши тоже.

В два шага я преодолеваю расстояние между нами и, схватив Блэка за плечо, сильно толкаю его. Он падает на мраморный пол и, замешкавшись, получает от меня удар кулаком в челюсть. Держа Блэка за шею так, что он начинает задыхать-

ся, я приседаю на одно колено и цежу сквозь зубы:

– Когда мы встретимся в следующий раз, советую прикусить язык, не то все дерьмо придётся выбивать из тебя.

Поднявшись, я ухожу на поиски Ричи, который наверняка торчит в отделе с алкоголем.

Меня всего трясет от адреналина. Я хочу кого-нибудь избить, выпустить пар. Чертов Блэк тронул святое – мою мать. Он стал ещё большим придурком, чем раньше. Стоило не просто ему врезать, а вырвать язык и засунуть ему в глотку.

Сжав ручку тележки, я поворачиваю и чуть не сбиваю Ричи, крепко держащего две бутылки пива.

– Что с твоим лицом? – нахмурившись, интересуется он.

– А что с ним не так? – задаю ответный вопрос, надеясь, что моё лицо не выражает никаких эмоций.

– Ещё чуть-чуть, и из всех твоих отверстий пойдет пар, как у паровоза из трубы, – объясняет Ричи.

Я не хочу рассказывать, что случилось между прилавками, поэтому просто машу рукой и иду к кассе.

Оказаться на улице приятно. Здесь тоже прошёл дождь, и теперь везде пахнет свежестью и влагой. Я люблю дождь, наблюдать за ним так приятно. Капли, бьющие в окно комнаты, успокаивают, заряжают какой-то энергией. Мама без тени смущения говорила мне, что я был зачат в грозу, и поэтому я с детства полюбил дождь, гром и непогоду в целом. Может, поэтому у меня такой тяжёлый характер?

– Мне тут сообщение пришло, – говорит Ричи, сев на пас-

сажирское кресло и уставившись в телефон. – Рона устраивает вечеринку по случаю того, что многие одноклассники, в том числе и мы с тобой, приехали в город. Сходим?

Я обдумываю его предложение. Может, стоит согласиться? Я уверен, вечеринка Роны – ничто по сравнению с тусовками в доме братства, а значит, мне не стоит беспокоиться из-за того, что через час после начала у меня возникнет желание спрятаться ото всех.

– Почему бы и нет?

– Отлично, тогда пишу, что мы придем.

Я киваю и выруливаю со стоянки.

* * *

Дом Роны представляет собой маленький особняк принцессы. Оказавшись внутри, я без особого интереса рассматриваю высокий потолок, бледные стены и коричневый, начищенный воском пол. Дом заполнен бывшими одноклассниками, но никто из них не выглядит пьяным, что меня безмерно радует.

– Мальчики! – восклицает мелодичный женский голос.

Мы с Ричи оборачиваемся и в первую очередь видим две длинные загорелые ножки.

– Рона! – радостно произносит Ричи.

Он кладет руку на талию девушки и поворачивается ко мне.

– Это Блейн. Ты же помнишь его.

– Серьёзно?! Боже, каким красавчиком ты стал! – Ее удивление кажется довольно искренним.

Сделав два шага вперёд, она набрасывается на меня, хватая за шею. Сначала я чувствую себя немного скованно, но потом одергиваю себя и, расслабившись, кладу руки на её тонкую талию.

– Моя комната по коридору направо, на втором этаже, – шепчет она мне, а я хмурюсь.

Это намёк? В любом случае я рад, что она блондинка.

Вечеринка проходит спокойно, но спустя полтора часа я начинаю скучать. Выйдя на задний двор, вижу качели, скрывающиеся во тьме деревьев, и иду туда. Тучи разошлись, теперь двор освещает полная, завораживающая луна. Любуясь ею, я потихоньку раскачиваюсь. Меня одолевает желание позвонить Дезу и спросить, как у него дела и как прошёл поход к татуировщику. Но вместо этого я крепче обхватываю поручни качелей и продолжаю смотреть на небо.

В этом пригороде мне не место. Здесь все для меня чужое, даже родной дом. Нью-Йорк – это место свободы, и я хочу вновь окунуться в нее. Я отвык от здешней обстановки. Наверное, стоит предложить маме продать дом и купить квартиру в городе. Так будет легче и безопаснее для нас обоих.

– Эй, почему ты сидишь здесь? – спрашивает Рона.

Я прикрываю глаза, пытаясь унять раздражение. Лучше уйти с этой вечеринки, потому что я ужасно хочу побыть

один на один со своими мыслями.

– Можно? – уточняет она, указывая на качели рядом с моими.

– Почему ты спрашиваешь? Это ведь твой дом, – посмотрев на девушку, интересуюсь я.

– Вдруг ты хочешь посидеть в одиночестве, – смущенно отвечает она.

Хочу, но Роне об этом уже знать необязательно.

– Как учёба? – спрашиваю я.

– Не так круто, как представлялось. Меня два раза бросили, я имею в виду парней. Я подарила одному из ублюдков девственность, пару раз начинала курить и три раза чуть не вылетела из колледжа. Кстати, у тебя не найдётся сигареты?

– Я так понимаю, когда ты закурила во второй раз, больше не бросала?

Рона покачала головой.

Потянувшись к карману, я достал пачку сигарет и зажигалку. Мы закурили одновременно, и, как только я сделал первую затяжку, по телу сразу разлилось расслабление.

– А у тебя как дела?

Я вздыхаю:

– Не так интересно, как у тебя.

Рона в ответ хихикает.

Покуривая с ней на пару, я понимаю, что не все так плохо, как ожидалось. Спокойная вечеринка, красивая девушка рядом, что ещё надо? Хотя я знаю, что мне необходимо по-

лучить для завершения этого прекрасного вечера… Посмотрев на Рону, я ловлю её взгляд и произношу:

– Может, покажешь мне свою спальню?

* * *

Только одному небу известно, как я рад вернуться домой. Оказавшись в братстве, я смог вздохнуть полной грудью. В гостиной разбросаны бутылки, косяки и всякая другая мерзость, которую студенты принимают каждые выходные.

Воскресная вечеринка, как я понимаю, прошла на славу. Перешагивая через тела, я поднялся на второй этаж. Все ещё спали, судя по всему, веселье закончилось недавно. За окном уже темно, я приехал поздно. Видимо, тусовка началась еще в субботу. Часы показывают почти три часа ночи.

Открыв дверь в свою комнату, я кидаю сумку где-то у стены и включаю свет.

Повернувшись к кровати, я замираю от удивления. В постели уютно, чуть ли не пуская слюни, спит Хейли.

– Какого хрена?! – вскрикиваю я и, когда она подскакивает, вижу, что на ней только бюстгальтер и джинсы.

– Блейн. – Её голос звучит испуганно и глухо.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, стараясь быть не слишком грубым.

На самом деле мне хочется разорвать Хейли. Я просто ненавижу, когда кто-то спит в моей постели. Дверь в ком-

нату была заперта, а значит, кто-то специально открыл ее и впустил Хейли. И этот кто-то, конечно же, Дез, потому что только у него есть ключ.

– Я… Он… Дез, – запинаясь, начала говорить Хейли.

Конечно же, я не мог выставить её за дверь, зная, сколько пьяных придурков находится вокруг. Вместо этого я покачал головой и приказал ей лечь обратно.

– Я… я лучше пойду, – писклявым от волнения голосом говорит гостья.

Хейли делает рывок к двери, на ходу надевая футболку, которая висела на спинке стула. Прежде чем девушка схватилась за ручку двери, я успеваю обхватить её за талию и, крепко держа в объятиях, отношу в кровать. Хейли брыкается и извивается в моих руках, но нам обоим понятно, что я в стократ сильнее.

Я кидаю её хрупкое тельце на кровать и злобно выговариваю каждое слово:

– Поверь мне, Фейз, я очень хочу, чтобы в этой комнате не было твоей милой попки. Но если ты выйдешь за дверь в то время, когда по всему коридору раскиданы пьяные, неадекватные парни, не кричи и не зови на помощь, если кто-то захочет с тобой поиграть в совершенно недетские игры.

Её грудь тяжело вздымается и опускается, глаза неотрывно смотрят в мои.

– Ты назвал меня по фамилии, – шепчет она, а я закатываю глаза. Неужели это единственное, что она услышала?

– Ляг под одеяло, – говорю я и отхожу.

В этот раз она меня слушается.

– А где будешь спать ты?

– В своей постели, – снимая футболку, говорю я.

Достав из шкафа пижамные штаны, я на минуту скрываюсь в ванной комнате. Когда Хейли хочет сказать что-то ещё, я её останавливаю:

– Слушай, я очень сильно устал с дороги, поэтому давай мы сейчас поспим, а утром ты свалишь, идёт?

– Идёт.

Плохой сон мне обеспечен. Когда Хейли вырубается, я все ещё верчусь, пытаясь найти удобную позу. Я привык спать в самой середине своей большой кровати, и сейчас мне очень неудобно, такое чувство, словно даже кости заболели.

Неожиданно девушка поворачивается ко мне лицом. Она закидывает руку и ногу на меня, и я замираю. Какого. Черта. Я, не моргая, ошарашенно уставился в потолок. Откинуть её тело будет слишком грубо? Конечно, придурок!

Мне приходится терпеть её тепло. Скрежеща зубами, я зажмуриваюсь и заставляю себя уснуть. Только бы поскорее настало утро. Когда Хейли уйдёт, я почувствую это, потому что жар, исходящий от неё, исчезнет, и мне станет холодно. Как в старые добрые времена.

Оттенок пятый

Хейли

Я чувствую теплое тело рядом с собой. Более того, я к нему прижимаюсь. Мне так уютно, совсем не хочется открывать глаза. Пролежала бы так всю жизнь. Не только я льну к телу, но и оно ко мне. Я ёрзаю от приятного ощущения, никогда так сладко не спала. По лицу расползается улыбка, и я удобнее устраиваю голову.

Где-то вдали слышится звон, это заставляет меня нахмуриться. Чей бы это ни был будильник, он оповещает всех о том, что пора вставать не только его хозяину. Перекатившись на спину, я потираю ладонями глаза, но открыть их так и не могу. Я не выспалась.

Почувствовав, как чья-то рука обняла меня за талию и вновь притянула к себе, я через силу разлепляю веки и поворачиваю голову, чтобы увидеть ее обладателя. Из легких словно выкачали весь воздух. Глаза расширяются до такой степени, что становится больно. Рядом со мной лежит Блейн.

Картинки из прошедшей ночи постепенно начинают всплывать в голове: вот в доме братства началась внеплановая вечеринка после учебной недели; вот я вру друзьям, что мне срочно надо к матери, и после того как они обеспокоен-

но кивают головами, я срываюсь с места и еду на вечеринку с Дезом.

Черт, он уломал меня!

Поднявшись на локтях, я смотрю на Блейна и вспоминаю, как оказалась с ним в постели. Глухо застонав, падаю обратно на подушку и закрываю лицо руками. Как я докатилась до такого за столь короткий промежуток времени? Во всем виноват Дез! Он не отставал от меня до тех пор, пока я не согласилась.

Покачав головой, я откидываю одеяло вместе с рукой Блейна. Тот бурчит какое-то ругательство и ложится на спину, после чего сразу же открывает глаза. Увидев меня, он сначала хмурится, а потом в его взоре вспыхивает ярость.

– Ты еще здесь?! – грубо спрашивает он. Меня передергивает от его тона, и кажется, он замечает, что испугал меня. Он словно получает наслаждение от того, что пугает меня.

– Перестань вести себя как козел! – выпаливаю я и подношу ладонь ко рту. Вот дура! Теперь он разозлится еще сильнее!

Но нет. Наоборот, лицо парня, сначала пылающее от ярости, теперь выглядит умиротворенным. От былого возмущения не осталось и следа. Неужто Блейн из тех людей, чье настроение меняется за секунду?

– Проваливай, – спокойно говорит он и, укрывшись одеялом до подбородка, поворачивается на другой бок.

Ухмыльнувшись, я снова ложусь на постель и залезаю под

одеяло. Посмотрим, что он на это скажет. Конечно же, Блейн оказывается со мной лицом к лицу в считаные секунды. И он определенно недоволен таким ходом событий.

– Какого черта ты творишь? – злобно рычит он.

– Я не выспалась.

Он тяжело вздыхает. Его рука, лежащая на подушке, сжимается в кулак. Блейн опускает голову, желваки на шее выдают то, что он пытается взять себя под контроль.

– Слушай, Хейли, – его голос стал ниже, что заставляет меня дрожать под одеялом, – я пытаюсь быть хорошим мальчиком, и пока у меня это получается, я прошу тебя уйти. Я люблю спать один.

– Знаешь, судя по тому, как крепко ты обнимал меня, сложно поверить, что тебе это действительно не нравится, – парирую я, не собираясь отступать.

Меня забавляет эта ситуация. Любопытно посмотреть, что сделает Блейн, если я не уйду? Если бы не головная боль и подкатившаяся к горлу тошнота, я бы, возможно, продолжила нашу перепалку. Но сейчас мне срочно надо в ванную, чтобы охладить свое лицо.

– Сколько ты выпила? – неожиданно интересуется Блейн.

– А что? – задаю я встречный вопрос.

– Ты побледнела.

Его взгляд опускается на мой рот.

– И губы у тебя посинели.

Сколько же ты выпила, а, Хейли? Черт его знает! Дез вли-

вал в меня пиво, а после, когда я еле стояла на ногах, он повел меня на второй этаж и уложил в эту постель. Что ж, я запомнила все, что произошло, а это уже похвально.

– Мне нужно в ванную, – отвечаю я.

Блейн кивает в сторону двери, находящейся около кровати, и откидывается на спину, подгибая одну ногу, путаясь в одеяле.

Встав с кровати, я на миг увидела его тело. Врать не буду, я под впечатлением. Блейн отлично сложен, однако до боксера ему еще далеко. Хотя, должна признать, я не фанат парней-шкафов.

Открыв дверь, я прохожу в ванную и начинаю осматриваться. Везде чисто и красиво. Комната выполнена в золотом цвете. Даже раковина и ванна золотые.

Я включаю холодную воду и умываюсь. Сразу же становится легче. Спустя время раздается стук, повернув голову, я смотрю на ручку, не решаясь открыть сразу.

– Держи, – говорит Блейн, входя без разрешения.

В его руках тарелка с кусочками лимона.

– А если бы я была голой? – недовольно спрашиваю я.

– Уверен, я бы не увидел ничего нового, – спокойно отвечает он. – В общем, когда меня тошнит, я посасываю лимон. Советую сделать то же самое, если тебя, конечно, тош… Эй, что это?

Вдруг Блейн опускается передо мной на колени и поворачивает так, чтобы лучше видеть мои бок и поясницу. Я пы-

таюсь понять, что его так сильно удивило. Моя спина разодрана до крови, а я ничего не чувствую.

– Черт, только не говори, что ты испачкала мою постель своей кровью, – сквозь зубы произносит Блейн.

Поднявшись, он ставит тарелку на стиральную машинку, бесцеремонно хватает меня за бедра и разворачивает к себе спиной. Я хочу возмутиться, но вместо этого слежу за ним через зеркало. Он, хмурясь, рассматривает мою рану.

– Обопрись руками о раковину, будет неприятно. Не хочу, чтобы твои колени подогнулись, и ты рухнула, ударилась виском и разбила себе голову.

– Тебе говорили, что у тебя слишком бурная фантазия? – из-за плеча интересуюсь я, одновременно цепляясь руками за раковину.

Блейн тянется к шкафчику, висящему рядом с моей головой. Его дыхание обжигает мою кожу, и я надеюсь, что он не замечает, как я покрываюсь мурашками.

Взяв необходимое, он отстраняется и опускает взгляд на мою рану.

– Ты помнишь, что случилось? Ты будто просто обо что-то сильно поцарапалась.

Я качаю головой. Пожалуй, это единственное, чего я не помню из минувшей ночи.

– Зато я знаю, кто может помнить, – говорю я и вскрикиваю. – Дерьмо! Мать его, как печет!

У меня и правда подгибаются колени. Не описать слова-

ми, как мне больно. Такое ощущение, словно кожа горит. Я сжимаю зубы, хватаясь за раковину так, что белеют костяшки. Блейн держит меня одной рукой за талию, чтобы я не упала, второй продолжает пытку.

– Потерпи еще немного, я почти закончил дезинфицировать.

Вместо ответа я заскулила и всхлипнула.

– Блейн, чувак, ты здесь? – раздается голос Деза по ту сторону двери.

Мои глаза вспыхивают от ярости. Это он виноват в моих мучениях!

– Если я не сдохну от боли, я убью тебя, понял?! – кричу я изо всех сил.

– Это что, Хейли? – спокойно, словно не слыша угроз, спрашивает он. – Доброе утро, детка!

– Кретин, – бурчу я и вновь зажмуриваюсь.

– Все, – говорит Блейн, – сейчас наложу повязку, и можешь валить на все четыре стороны.

Я закатываю глаза, грубости этому парню не занимать.

– Вы там одеты? Я хочу зайти! – продолжает кричать Дез.

– Валяй! – приглашает его Блейн.

Дверь открывается, и на пороге появляется Дез. Его взгляд тут же опускается на руки Блейна, а потом он смотрит мне в глаза.

Я незамедлительно спрашиваю:

– Как я поранилась?

– Мы с тобой нечаянно врезались в стол Блейна, – начинает объяснять Дез. – Крови не было. Видимо, во сне ты растерла поясницу. – Теперь он смотрит на кровавую салфетку, которой Блейн протирал мой бок.

– Если еще раз я увижу кого-то в своей кровати, пеняй на себя, Дез. Ты знаешь, что я ненавижу делить с кем-то свою постель, – говорит Дезу Блейн.

– Прости, была безвыходная ситуация и…

– Мне плевать, Дез, веришь? – Я смотрю на Блейна, а тот яростно взирает на лучшего друга. – Ты мог положить ее у себя!

– У меня…

– Да мне пофиг, что у тебя!

– Прости. Я просто был пьян и ни о чем не думал. – Дез выглядит виноватым, причем искренне.

Мой бок приведен в порядок, теперь я полностью свободна. Больше всего на свете я хочу вернуться домой. Разговор между Дезом и Блейном смутил меня. Я не желаю никому мешать. С этого момента я больше никогда в жизни не пойду на вечеринку. У веселья всегда «невкусные» последствия.

Поблагодарив Блейна за помощь, я выхожу из ванной комнаты и, надевая футболку, понимаю, что все это время простояла перед парнями в бюстгальтере. Мои щеки пылают от стыда, хочется провалиться сквозь землю.

Дез что-то говорит, но я не рискую оборачиваться. Вместо этого я несусь из этого дома прочь. Бегу по лестнице, снося

все на пути. Кажется, я даже сбила с ног пару девушек.

Оказавшись на улице, я вспоминаю, что приехала с Дезом, а не на своей машине, и поэтому поворачиваю к остановке. Автобус, к счастью, подъезжает в ту же минуту.

Прошмыгнув в салон, я раскапываю мелочь в кармане, отдаю за проезд и прохожу вглубь. Встав у окна, я смотрю на дом братства и вижу у дороги Деза, прожигающего меня злобным взглядом. Почему он так смотрит на меня? Разве я сделала что-то плохое? Нет.

Никогда не думала, что буду настолько рада оказаться в своей спальне. Здесь моё убежище, мой спасительный бункер. Уверена, любой человек чувствует себя защищённым в своей комнате.

Лицо все ещё пылает. В пояснице печет, но уже не так сильно. Адской боли, такой, как в ванной Блейна, я уже не чувствую. Ланы нет, и узнавать, где она пропадает, я не собираюсь. Во время вечеринки мы не встречались, хотя я уверена, что она там была. Не могла не быть.

Скинув футболку, я сажусь на кровать и ощупываю бинт. Тело все ещё помнит, что оно ощущало, находясь рядом с телом Блейна. Я закусила губу. Нельзя поддаваться искушению. Только этого сейчас не хватало. Покачав головой, я поднимаюсь на ноги и собираюсь взять чистую одежду из шкафа, потому что та, в которой я была на вечеринке, пропиталась запахом пива, как вдруг слышу стук. Надеваю первую попавшуюся майку и иду к двери.

Сначала мне кажется, там стоит Дез, его злобный взгляд никак не выходит из головы. Может, как только я отъехала, он прыгнул в свой автомобиль и понесся за мной сквозь маленькие улочки Студенческой улицы? Ещё раз убеждаю себя, что больше никогда не ступлю на земли Греческого ряда.

Стук становится все настойчивее.

Когда я распахиваю дверь, за ней оказывается вовсе не Дез, а мои друзья… и они чем-то недовольны. Мне становится страшно.

Как только я их впускаю, то сразу слышу:

– Зачем ты нам солгала? – Рамоне не надо пояснять, о чем именно я соврала, и без того понятно. Они узнали, что я была на чертовой тусовке.

– Ты сказала, что останешься у мамы до воскресенья. Мы хотели сделать сюрприз, приехать и скрасить твои выходные. Твоя мать сказала, что ты не появлялась с прошлых выходных, а когда я позвонил, трубку взял Дез, – добавляет Зак.

Мне становится стыдно вдвойне. Я ужасный друг.

– Простите, – всего лишь говорю я, – для меня нет оправданий.

– Почему ты не сказала правду? Почему вновь возобновила дружбу с Дезом? Ты же знаешь, что он мерзавец и что он может испортить тебя до неузнаваемости! – В голосе Рамоны сквозит отчаяние, я сильно ее обидела.

– Простите, – снова повторяю, как попугай, который больше не знает никаких слов.

Слышится вздох Зака.

Поворачиваться я не решаюсь, боюсь увидеть лица друзей, полные осуждения. Но если подумать, им разве никогда не хотелось сделать что-нибудь этакое? Не хотелось забыть о том, какие последствия могут вызвать подобные вечеринки? Разве им не хочется отдаться безудержному веселью хотя бы один раз в жизни? Хоть они и ходят иногда на тусовки, но это не то… это ни капельки не похоже на то, что пережила я.

– Я просто хотела попробовать, – шепчу я, потирая рукой локоть.

– И как, понравилось? – недовольным голосом интересуется Рамона.

Да.

– Нет. Эти вечеринки… не моё.

Хочется разрыдаться от этой лжи. Мне очень понравилось, я смогла вздохнуть полной грудью, почувствовала себя простым беззаботным студентом, у которого родители не сходят с ума и помнят, что ты давно закончила школу.

– Ты опять лжешь, – говорит Рамона. Я непонимающе смотрю на неё. – В твоих глазах сверкали искорки, когда ты утверждала, что эти вечеринки не для тебя. Я знаю тебя достаточно, чтобы определить, говоришь ты правду или нет.

У меня нет оправдания, я не могу ничем доказать, что мне действительно не понравилось… У меня есть рана! Я же могу воспользоваться ею! Уверена, после того как они её увидят, то забудут про все остальное.

– Если вы думаете, что я смогу повторить нечто подобное после этого, – я поднимаю край майки, обнажая обмотанный вокруг талии бинт, – то вы ошибаетесь.

Друзья охают. Ещё бы! В их глазах я вижу беспокойство, вытеснившее обиду. Кажется, ещё чуть-чуть, и я сгорю от стыда. Я не помню, чтобы когда-либо так сильно краснела. Мне очень неудобно перед друзьями, перед моей маленькой семьёй. Но я точно знаю, скажи я правду, они бы меня не поняли. Это единственное, что они никогда не смогут принять.

Рамона и Зак по очереди задают вопросы. «Откуда у тебя эта рана, Хейли? Ты с кем-то подралась на вечеринке, Хейли? Сильно болит, Хейли?» И ещё множество подобного. Я отвечаю вяло, но придаю голосу драматизма. Мне необходимо, чтобы они больше не вспоминали о моем проступке. Мне необходимо избавиться от угнетающего чувства вины.

Когда я рассказываю все, что было на вечеринке, плюс придумываю историю, как поранилась, мы плавно переходим к обсуждению выходных. Ребята больше не могут ждать, им ужасно хочется что-нибудь разукрасить.

Я решаю не говорить, что лучше бы ещё немного подождать. Это бесполезно. Они привыкли рисовать каждую неделю, им это необходимо, да и мне, если честно, тоже. В рисунок я вкладываю свои чувства. Для меня творчество – это возможность спустить пар. Когда парням плохо, они бегут к боксёрской груше, как к спасению. Я же берусь за баллончики с краской. В них моё спасение.

– Мы просто обязаны сделать это сегодня, – говорит Зак, присаживаясь на край кровати. – Я хочу порисовать. Мне это нужно. Это нужно всем нам.

– Сегодня… на этот раз, – начинаю я, но договорить не могу. Вздохнув, я выпаливаю на одном дыхании: – Сегодня мне правда надо к матери. Я пробуду у неё до вечера, а после мы отправимся к университету, договорились?

Мне сложно смотреть друзьям в глаза, но я должна это делать. Взглянув на Рамону, я снова вижу на ее лице осуждение: «А ведь ты говорила…» Да, я говорила. Да, я ужасная, плохая, отвратительная лгунья! Что тут поделать?

– Хорошо, – на выдохе произносит Зак.

Входная дверь распахивается, и на пороге стоит помятая Лана, от которой разит перегаром. Надеюсь, что от меня нет.

– Привет, лузеры, – широко улыбаясь, машет рукой Лана. Мы все синхронно закатываем глаза. Нам не привыкать к такому обращению. – Хотя ты больше не лузер, – указывая на меня, говорит она, – классно оторвались.

Искоса взглянув на друзей, все ещё сидящих на моей постели, я замечаю, как Зак сжимает кулаки, а Рамона качает головой. И ко мне вновь возвращается чувство стыда.

– Приходи почаще на вечеринки. Ты в них классно вписываешься, – подмигивает мне Лана.

– Я думаю, тебе стоит зайти в комнату, а не торчать в проеме, – надеюсь, соседка поймет, что я прошу её не упоминать вечеринку в присутствии Зака и Рамоны.

Она ухмыляется и проходит внутрь.

– Я в душ, не буду вам мешать, лузеры. – Лана достает вещи и полотенце из шкафа и исчезает за дверью, ведущей в ванную комнату.

Как только я открываю рот, она распахивается, и из-за нее появляется светлая голова Ланы.

– Кстати, забыла предупредить, меня сегодня ночью не будет.

Дверь захлопывается вновь, и на короткое время комнату окутывает тишина.

– Вы уже придумали, что будете рисовать? – спрашиваю я у ребят.

– Я хочу изобразить кобру, – отвечает Зак.

– Может, стоит выбрать что-то другое? Тебе не кажется, что змея – это слишком для университета?

– А что, если преподаватели начнут допрашивать студентов, чтобы узнать, кто осмелился разрисовать такое священное здание. Нью-Йоркский университет ведь никакой-то там никому не известный колледж. Вы уверены, что проблем не будет? – прерывает нас Рамона.

Когда идея разрисовать универ только появилась, никто не подумал о возможных последствиях. Сейчас же эта затея кажется мне безумной. Что, если Рамона права, и у нас возникнут сложности? Конечно же, взрослые не оценят наш поступок, и возможно, начнется разбирательство. Но разве мы нарушаем закон? Я, Рамона и Зак – не единственные, кто за-

нимается граффити, и мне еще ни разу не доводилась видеть в различных новостях, чтобы рисунок на здании обернулся катастрофой. Максимум – штраф, но никто о таком судачить не станет.

– Если мы будем аккуратны, нас не поймают. Рамона, ты же знаешь, сколько мы этим занимаемся, и ни разу не было проблем. Мы умеем заметать следы, – отвечаю я.

– Да, но у меня такое предчувствие, словно это все добром не закончится, – качает головой подруга, а я просто пожимаю плечами.

– Начнем с левого крыла, там мало кто ходит из взрослых, точнее, вообще никто, кроме студентов.

Обсудив сегодняшнюю ночь, я провожаю гостей и еще раз приношу извинения. Они говорят, что все нормально, но просят меня больше так не делать. Рамона и Зак считают «братьев» и «сестер» врагами. Когда-то я тоже так думала, это началось после того, как меня оставил Дез. «Братья» лишили меня друга, и простить я их не смогла… да и не могу до сих пор.

Закрыв дверь, я прислоняюсь к ней спиной и запускаю руку в короткие кудрявые волосы. Это полнейший ужас. Сколько же ошибок я совершила за два дня. Легонько ударившись головой об дверь, я смотрю на потолок, делаю глубокий вздох и отталкиваюсь.

Снова всплывают мысли о прошедшей вечеринке, мне было так хорошо. Я впервые напилась, впервые так много сме-

ялась после смерти отца. Дез веселил меня и дружески обнимал. Я погружалась в прошлое, в котором он точно так же прижимал меня к себе.

Если Дез рискнет еще раз пригласить меня на вечеринку, смогу ли я отказать? Конечно, я пообещала друзьям, что больше ни ногой в дом братства, но они знают, что я по-прежнему помогаю Дезу с учебой, а значит, просто не смогу не появляться там. Может, если он еще раз меня позовет, я скажу друзьям, что мы с ним занимаемся?

Господи, Хейли, ты серьезно? Ты только что сгорала от стыда, а теперь готова солгать еще раз, чтобы потом снова краснеть перед Заком и Рамоной? Дурочка, думай, что делаешь. Из-за Деза ты можешь лишиться друзей, неужели не понимаешь?

Из раздумий меня вывел стук двери. Это Лана вышла из ванной.

– Лузеры уже ретировались? – бодро спрашивает она, протирая полотенцем мокрые волосы.

– Перестань их так называть! – рычу я.

– Эй, не заводись, ты же знаешь, что я шучу, – выставив руку вперед, говорит Лана.

Я падаю на кровать и чувствую, как по телу разливается усталость.

Вранье и собственная глупость выжали из меня все силы.

– Что-то случилось? – интересуется Лана, присев на край постели и продолжая сушить волосы.

– Мне надо к матери, – отвечаю я, но подниматься не спешу. – На тебя когда-нибудь наваливалась чертовски сильная усталость?

Это ещё один долгий диалог за все наше знакомство, и, как ни странно, мне сейчас очень комфортно в компании соседки. Комфортнее, чем в обществе Зака и Рамоны. Удивительно.

– Конечно. Например, прямо сейчас. Эта ночь была слишком безумной, чтобы после нее остались силы.

– Согласна, – мямлю я и на секунду закрываю глаза.

* * *

К матери я приезжаю на час позже. Обычно я должна быть у нее в шесть, но сегодня незапланированно уснула на несколько часов. Когда я вхожу в дом, она сидит в гостиной и смотрит шоу по телевизору. Увидев меня, она улыбается, отчего щемит сердце.

Как же я мечтаю застать маму у плиты, нормальной и здоровой. Чтобы не расплакаться, я опираюсь плечом на стену и поднимаю маленький пакетик, в котором лежит ее любимый пирог. Ее улыбка становится еще шире. Я готова отдать все на свете, только бы видеть ее счастливой каждый божий день.

Я расстегиваю черное пальто, но раздеваться не собираюсь. Велев маме ждать меня в гостиной, я удаляюсь на кух-

ню, чтобы разрезать пирог на небольшие треугольники. Поставив чайник, жду, когда он закипит, и разливаю кипяток по кружкам.

Мы с мамой смотрим шоу и едим пирог. Кажется, что мы нормальная семья, которая просто потеряла близкого человека. Но это всего лишь иллюзия. Мы никогда не станем нормальной семьей. Мать обречена страдать из-за психической болезни, а ее юная дочь обязана ухаживать за ней.

– Твои друзья вчера приходили, – говорит она, откладывая пустую тарелку на журнальный столик.

Потянувшись к пирогу, я кладу добавку.

– Я знаю.

– Где ты была вчера?

– Они разве не сказали? – слегка нервничая, спрашиваю я. Мама качает головой:

– Зак и…

– Рамона.

– …Рамона сказали, что ты должна быть здесь. Они хотели провести с тобой выходные, ведь ты хотела пробыть здесь до воскресенья. Почему ты солгала им, Хейли?

– Мам, давай не будем об этом, я им уже все объяснила, – чуть ли не умоляю я. Иногда мама становится нормальной женщиной и матерью.

– Почему, Хейли?

И настойчивой тоже.

– Мне надо было сходить в одно место, но я постеснялась

сказать друзьям, куда именно, поэтому соврала, – признаюсь я, но признаваться, что бессовестно свалила на вечеринку, не собираюсь.

Мама больше ничего не спрашивает и делает вид, словно поняла меня. Мы возвращаемся к пирогу, но вместо восхитительного вкуса клубники я чувствую кислятину. Поставив тарелку на столик, я говорю маме, что иду убираться, и прежде, чем она успевает ответить, встаю с дивана.

Снова стирка, снова желание разбить зеркало, в котором виднеется мое отражение. Я начинаю ненавидеть себя еще сильнее. Закусываю губу, чтобы не расплакаться. Хоть я и поспала, усталость никуда не делась, а это говорит о том, что я вымотана не физически, а морально. Кроме Зака и Рамоны, у меня больше нет никакой поддержки. А иногда так хочется прижаться к человеку, который любит тебя как девушку, а не как подругу, и выплеснуть все, что чувствуешь.

На миг мне вспомнилось теплое тело Деза, а затем Блейна. Я трясу головой, пытаясь отделаться от этой ужасной картины, неправильного воспоминания. Эти два парня уж точно не те, о ком я должна думать. Это бессовестно по отношению к моим друзьям. Мне должно хватать их поддержи и тепла, о другом мечтать ни в коем случае нельзя.

В сотый раз мысленно повторяю, что я ужасная подруга.

– Я хочу продать дом, – неожиданно говорит мама, когда я стою у плиты, а она сидит на веранде. Ее голос доносится сквозь открытую дверь.

Лопатка в моих руках падает на пол. Что?

– Что? – озвучиваю я свою мысль.

– Я хочу продать дом, – повторяет она.

Я не могу поверить своим ушам. Мама всегда утверждала, что у нее духу не хватит это сделать, ведь, по ее мнению, в доме по-прежнему обитает кусочек папы. Я собираюсь потребовать у нее объяснений, но слова застряли в горле, я открываю и захлопываю рот, как рыба на суше, а мама тем временем проходит в кухню. Держась за дверной косяк руками, она смотрит на меня и понимает, что своим заявлением лишила меня дара речи.

– Я знаю, что со мной не все в порядке, – шепчет мама, у нее наворачиваются слезы. Я сглатываю. – Я не могу постоянно держаться за прошлое. Неделю назад, когда ты уезжала от меня, я подошла к окну и увидела, как ты плачешь.

– Мам…

– Я не хочу быть для тебя обузой.

Я кидаю поднятую лопатку на стол и подхожу к ней.

Положив руки на ее плечи, говорю:

– Ты никогда не была для меня обузой. Я люблю тебя, и мне очень нравится проводить с тобой время, мам. Не смей думать, что ты доставляешь мне неудобства.

Мама убирает мои руки со своих плеч и, обойдя меня, садится на стул. Ее руки, сцепленные в замок, лежат на столе, а взгляд сверлит стену.

– И все же я хочу продать этот дом. Он слишком большой

для меня. Надо идти дальше, вроде так говорят? Несмотря ни на что, мой разум еще не угас, Хейли, пусть он слаб, но… Я жажду избавиться от прошлого.

– Ты вправе поступать так, как велит тебе сердце. Но… ты уверена, мам? Такой красивый дом с радостью купят. Ты не будешь жалеть о содеянном?

Она качает головой:

– Если я буду жалеть обо всем, то сойду с ума намного быстрее.

Ответить мне нечего, у меня нет никаких слов. Но я безумно рада. Мой единственный родитель хочет идти дальше, а это значит, что у нас обеих есть надежда на то, что мы вновь станем нормальной семьей.

* * *

С друзьями мы встретились у входа в университет ровно в одиннадцать и сейчас направляемся к левому крылу. Мы молчим, напряжение после последней встречи рассосалось, видимо, не до конца. Я кусаю губы, шагая за Рамоной с Заком. Мы останавливаемся, чтобы посмотреть, нет ли поблизости нашего старенького охранника. Никого.

Пробравшись мимо массивных входных дверей, мы поворачиваем за угол и оказываемся у левого крыла. Я поправляю рюкзак на плече и бегу к Заку. Мне хочется крикнуть, чтобы мои спутники шли медленнее, но сдерживаюсь. Когда

они нервничают, то очень быстро ходят.

Оказавшись у нужного места, мы снимаем рюкзаки и кидаем их на землю. Садимся на корточки и достаем баллончики, по-прежнему внимательно озираясь. Я волнуюсь сильнее всех. То, что мы собираемся натворить, – немыслимо! Это безумие, и в какой-то момент я хочу прокричать об этом вслух.

– Почему ты не брала трубку? Я звонил тебе два раза, – интересуется Зак, выкладывая баллончики и ставя их в ровную линию.

За весь день я ни разу не вспомнила о телефоне. Наверное, пришла в комнату и швырнула его куда-то, а когда поехала к матери, то не взяла с собой. Мобильник был последним, о чем я могла думать в то время. Сейчас же я на всякий случай проверила карманы пальто, но телефона так и не обнаружила.

– Наверное, оставила в комнате. Давайте разрисуем эту крошку, – говорю я, смотря на стену и легонько потряхивая баллончик, – если услышите шорох, делайте ноги, хорошо?

Друзья кивают.

Мы делим большую стену на три части. Без перчаток не слишком удобно, я к ним привыкла. Но они повторили судьбу телефона, оставшись в общежитии. Почему я вообще выложила их из рюкзака?

Взболтав краску, я представляю будущую картину и приступаю к делу. В этот раз я решаю изобразить свою мать в

молодости. Если удастся обойтись без последствий, то она навсегда останется на этой стене, взирая на придурков, которые любят мочиться на стену и тушить об нее бычки.

– Как мама? – интересуется Рамона, поправляющая кепку свободной рукой.

– Хочет продать дом, – признаюсь я.

– Серьезно? Но ведь он ей дорог, она же говорила, что там живет кусочек твоего папани, и все такое прочее, – тараторит Зак, и мне требуется время, чтобы его понять.

– Она хочет идти дальше, думает, что, если избавится от дома, в котором хранится память об отце, ей станет легче. Я не собираюсь ее отговаривать, может, маме действительно станет легче, – объясняю я.

Нагнувшись, я беру другой баллончик. Красок почти не осталось, скоро придется потратиться. Мы очень много рисуем и почти всю стипендию тратим на краски. Особенно я, потому что занимаюсь не только граффити, но иногда рисую на ватманах, в альбомах, тетрадях. Живопись – одна из главных частей моей жизни. Это не просто хобби, и кажется, я уже упоминала об этом.

– Если это поможет твоей маме с… – начинает Рамона, но тут же замолкает.

– С сумасшествием, – помогаю я. Не стоит стесняться правды.

– Да, с ним – Она откашливается. – Это будет просто прекрасно!

– Соглашусь, – кивает Зак.

Отойдя от своей работы, он поднимает баллончик с другим цветом и останавливается, смотря на мою часть стены.

– Кого ты рисуешь? – спрашивает он.

Без промедления отвечаю:

– Маму в молодости.

Рамона перестает рисовать и подходит к Заку. Они разглядывают начало моего рисунка, но он все равно непонятен. Я вижу на их лицах сожаление. Я рисую молодую маму, нормальную маму.

– Эй, что за кислые лица? Прекращайте, – улыбаюсь я. Оба тут же поворачиваются ко мне. – Я знаю, вы хотите сказать, что вам очень жаль. Но не надо, все нормально.

Хотя ничего не нормально. Моя жизнь рухнула после смерти отца.

– Хулиганите? – слышится недалеко от нас знакомый голос.

Повернув голову вбок, мы видим четырех «братьев». Ник стоит, облокачиваясь на перила. Дез что-то клацает в телефоне, Блейн наблюдает за мной, покуривая сигарету, а Джаред сидит на ступеньке. В темноте сложно разглядеть, чем он занят. Мы даже не услышали, как они приблизились.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает Зак, не скрывая презрения.

От его тона Ник улыбается шире.

– То же, что и ты, малыш, – хулиганим, – отвечает он.

От слова «малыш» на шее Зака выступают вены. Он взбешен. Логично. Я бы тоже не была в восторге от такого обращения.

– Какое именно непотребство вы пришли сюда творить? – интересуется Рамона, сложив руки на груди.

– Курить травку. Хотите? У нас ее много, не стесняйтесь, – отвечает Джаред, все еще сидя на ступеньке. Теперь понятно, что он делает.

Блейн продолжает пристально смотреть на меня, и я готова съежиться. Он и без того похож на демона, а с таким взглядом так тем более.

– Кстати, Хейли, – оторвавшись от телефона, говорит Дез, – в постели Блейна ты забыла вот это, – и поднимает мобильник.

Мой мобильник.

Земля под ногами расходится. Я ощущаю, как на меня уставились две пары глаз. Зак и Рамона. Их взгляды прожигают мою щеку. Хочу закрыть лицо руками и убежать.

– Что ты делала в постели Блейна? – сквозь зубы спрашивает Зак.

– Спала, – отвечает за меня Блейн.

Он продолжает пристально смотреть на меня и дополняет:

– Доволен? – его вызывающий тон Заку, естественно, не нравится.

– Нет, не доволен! Почему она спала именно в твоей кровати?

– Потому что я так решил, и, если захочу, она окажется в ней еще раз, – угрожающе произносит Блейн и, кинув бычок, выдыхает дым, испытующе взирая на Зака.

Тем временем Дез подходит и протягивает мне мобильник.

– Я хочу, чтобы ты потусила с нами, – говорит он.

– Прости, но нет, – качаю я головой.

Все наблюдают за нами, Зак перестал прожигать взглядом Блейна. Теперь он повернулся ко мне.

Я бы хотела побыть с этими нахалами. Но мои друзья… Я не могу этого сделать. Не должна. Мне нельзя превращаться в женскую версию Деза.

– Вот вы где! – раздается женский голос.

Посмотрев в сторону, я вижу Амелию и ее подругу Нелли, вроде так зовут девушку. Мне они неинтересны, поэтому я поворачиваюсь к Дезу. Однако он следит за этой самой Нелли.

– Дез, – кивает она.

– Нелли, – шепчет он.

Да, я угадала.

– Как твои дела? – спрашивает она у него.

Кажется, меня для него больше не существует. Помявшись на месте, я отворачиваюсь и иду к друзьям, которые уже собрали баллончики и разложили их по рюкзакам. Стараясь не встречаться с ними взглядом, я поднимаю и закидываю сумку на плечо. Мы уходим, однако когда мы доходим

до поворота, меня хватают за локоть. Блейн.

– Ты должна делать то, что хочется тебе, а не им, – медленно говорит он.

– Хейли, ты там скоро?! – кричит Зак, стоя чуть поодаль. Но я не обращаю на него внимания.

– Почему ты так говоришь? – интересуюсь я, ощущая покалывание в том месте, за которое он по-прежнему меня держит.

Блейн опускает взгляд на свою руку и зачем-то начинает водить пальцем по изгибу моего локтя. Меня тут же бросает в жар. Ну вот зачем он это делает? Зачем он вообще меня остановил?

– Я вижу это, Хейли. Я вижу больше, чем ты можешь себе представить.

Меня бросает в дрожь. Блейн никогда не обращал на меня внимания, а в последнее время мы сталкиваемся все чаще и чаще, и не всегда при хороших обстоятельствах. Рядом с ним я чувствую неловкость. Пожалуй, Блейн не подходит на роль друга. Он полностью изменился со времён школы. И кажется, не в лучшую сторону.

– Отпусти меня, – требую я, но он не слушается.

– Останься, – сладко произносит Блейн, и меня бросает в жар во второй раз. – Ты хочешь остаться, салага. Я знаю, что хочешь. Так давай же, решай.

Его слова, словно шепот дьявола на ушко. Я хочу остаться, но я должна быть со своей семьей. Зак и Рамона помогли

мне преодолеть сложный этап, кроме них, рядом никого не было, а значит, я обязана отплатить им тем же. «Братья» – запретный плод для меня.

– Я сейчас схожу в общежитие, попрощаюсь с друзьями, скину портфель и приду, договорились? – не смотря на Блейна, спрашиваю я.

Глаза жжет от непрошеных слез, а рука Блейна сжимает мой локоть так сильно, что становится больно. Опустившись к моему уху, он шепчет сладко, маняще, искушающе:

– Умница.

И отпускает меня.

Оказавшись на свободе, я, не оглядываясь, бегу к друзьям. Сегодня у нас не получилось порисовать, но вместо этого я собираюсь совершить еще одну ошибку. Да собьет меня детский велосипед! Нет мне прощения, и Зака с Рамоной я просто не заслуживаю.

Я занимаю место между приятелями и стараюсь взять себя в руки. У меня есть возможность не идти к «братьям». Но я пойду. Потому что хочу. Дура! Дура! Дура!

– Что он хотел? – спрашивает Зак.

– Ничего, – отвечаю я, и в моей копилке для вранья появляется еще одна ложь.

Оттенок шестой

Блейн

Я стараюсь не улыбаться, как придурок. Что со мной такое? Почему я решил уломать Хейли? Может, я действительно искренне пытаюсь помочь девушке, ведь ее друзья не дают ей раскрыться? Не нужно быть гением, чтобы понять – она пытается им угодить. Ей хочется заниматься всяким безумием, но она боится, что приятели этого не оценят. На ее месте я бы не стал так сильно трястись над ними. Но как бы близки они ни были, это ведь не значит, что надо под них подстраиваться. Это как сидеть на привязи: не ходи туда, не ходи сюда.

Джаред по-прежнему возится с травкой, следя за его манипуляциями, я начинаю понимать, что пошел сюда не потому что захотел, а потому что меня пригласили. Мы давненько не собирались вместе, и я в какой-то мере даже успел по этому соскучиться. До того как Ник встретил Амелию, он проводил с нами все свободное время. Сейчас же он занят только ею. Но никто из нас не возражает. Амелия – милая девушка, и она ни в коем случае не станет настраивать Ника против нас. Поэтому мы спокойны.

Дез о чем-то разговаривает с Нелли. Я вижу, как поблес-

кивают его глаза, когда он смотрит на нее. Мне кажется, Нелли нравится ему до сих пор. На эту пару я по-прежнему возлагаю большие надежды. Чувствую, они еще не раз сойдутся и разойдутся. Дез тоже нравится Нелли, это видно. Никакой Пол не заменит ей моего друга. Она прекрасно знает, что он лучший парень, который у нее когда-либо был. Дез незаменим. Только он умеет быть и грубым, и милым, когда надо. Только он способен ее защитить.

Про Ника и говорить нечего, он, конечно же, прилип к Амелии. Усадил ее на перила, и вот они уже самозабвенно целуются. Что же, скрывать не буду, Амелия стала более раскрепощенной. Раньше она не любила обжиматься с ним при нас, но Нику удалось ее переубедить. Наверное, он испортил ее и портит до сих пор. И все же я очень рад за друга. Он нашел человека, который всегда поможет и поддержит в тяжелой ситуации. Может, и про Деза можно сказать то же самое, ведь если с ним что-то случится, Нелли придет на помощь, я уверен.

Остались мы с Джаредом. Одиночки, никому не нужные бестолочи. Однако он никогда не заикался о том, что хотел бы иметь девушку. Я даже не помню, чтобы ему кто-то нравился. Джаред самый безумный из нас и самый грубый. Девчонки с удовольствием называют его подлецом. Еще он никогда не делится секретами. Хотя и темной личностью его назвать нельзя. Да, он немного мрачный, всегда носит черную одежду, смотрит на многих исподлобья, так что бросает

в дрожь. Но он не замкнутый, нет.

Оттолкнувшись, я подхожу к нему и сажусь рядом. Он отрывается от травки и смотрит на меня, выгнув бровь.

– Как дела? – говорю я первое, что приходит в голову.

– Она придет? – игнорируя мой вопрос, спрашивает он и снова отворачивается.

– Да, скоро должна быть здесь, – отвечаю я, смотря на угол.

В какой-то момент из-за него должна появиться Хейли. Я хочу увидеть ее лицо, когда она будет направляться к нам. Для нее все это ново, сомнений нет. Если бы она хоть раз делала что-то подобное, не мялась бы так, когда я просил ее присоединиться к нам. Она горела желанием попробовать что-то новое. И она попробует. Еще как попробует.

– Зачем тебе вообще это надо? Зачем ты ее уговаривал?

– Откуда столько вопросов?

– Я слышал каждое твое слово, и теперь мне интересно узнать, на кой девчонка тебе сдалась, – объясняет он.

На кой она мне сдалась? Мне бы тоже хотелось это узнать. Когда она проснулась в моей кровати, когда начала дерзить мне, что-то во мне щелкнуло. Теперь я понимаю Деза вдвойне, понимаю, почему он так зациклился на ней спустя длительное время. В Хейли есть то, что притягивает и не отпускает. Может быть, мне резко захотелось поиграть с ней и с Дезом. Я запутался. Но минувшее утро пробудило во мне интерес, желание узнать, кем стала та девочка со школы.

– Я не знаю, – покачав головой, я поворачиваюсь к Джареду и говорю еще раз: – Я не знаю.

– А стоило бы узнать, – он пронзает меня взглядом, а затем поднимается и уходит.

Я продолжаю сидеть на ступеньках и смотреть вдаль. На город опускается мрак. В сотый раз убеждаюсь в том, что мне безумно нравится ночь. Завораживающая, полная порока ночь.

Вскоре появляется Хейли. Я вижу, как она неуверенно выходит из-за угла, ее робость заставляет меня улыбнуться. Она пытается скрыть нервозность, но получается у нее дерьмово, скажу я вам. Хейли с опаской озирается, словно ожидает нападения.

Увидев меня, она краснеет и отворачивается, заставляя меня уже в который раз улыбнуться. Опустив голову, я закусываю губу, чтобы она не заметила моей реакции. Я не спешу ее встречать и продолжаю сидеть на ступеньках. Я знаю, что мои друзья удивятся, узнав, кто к нам пожаловал. Хотя, может быть, появление Хейли оценит Дез. Но он в данный момент занят Нелли.

Когда Хейли приближается, я замечаю, как все умолкают, глядя на нее. Так, все, мой выход. Если я промедлю еще секунду, Хейли почувствует неловкость, а у меня нет желания ставить ее в неудобное положение.

Я спускаюсь и, подойдя к Хейли, перекидываю руку через ее плечо и обращаюсь к ребятам.

– Посмотрите-ка, кого я пригласил, – подмигиваю я им.

– Хейли, правильно? – спрашивает Амелия, дружелюбно улыбаясь, все еще сидя на перилах в объятиях Ника.

Хейли кивает. По-прежнему я ощущаю напряжение, исходящее от ее тела. Как бы сделать так, чтобы она расслабилась?

– Джаред, готово? – интересуюсь я, и он сразу понимает, что я имею в виду.

Джаред кивает, и все забывают про Хейли. Теперь их интересует только одно.

Повернувшись к Хейли, я говорю ей:

– Чувствуй себя как дома.

Знаю, это самое глупое, что я мог сказать.

– Ты хоть раз употребляла травку? – спрашиваю я, беря Хейли за руку и ведя ее к ребятам.

– Нет, – честно отвечает она, задумавшись. Я уже испугался, что она за сегодняшнюю ночь не скажет ни слова. – Но хочу попробовать.

Конечно же, она хочет. Иначе не пришла бы сюда. Я снова улыбаюсь. Черт возьми, веду себя как дурак! Надо перестать улыбаться, это на меня не похоже.

Мы подходим к Джареду, и он сразу же сует мне в руки косяк. Раз Хейли новичок в этом деле, стоит ее научить подальше от остальных, чтобы она не почувствовала себя дурочкой, подавившись дымом.

Держа косяк в одной руке, второй я хватаю Хейли за ло-

коть и подвожу к стене, на которой она со своими друзьями хотела порисовать. Сев на бетонную перекладину, я хлопаю рядом с собой и через пару секунд уже чувствую тепло ее тела.

– Я стесняюсь, – шепчет она, сложив руки домиком и зажав их между коленей.

– Тебе нечего стесняться, – отвечаю я. Но подбадривать ее не собираюсь. Мне еще нужно разобраться, зачем я пригласил ее в нашу компанию.

– Но это ведь ненормально. Просто безумие, что я собираюсь попробовать эту гадость! – Ее лице охвачено ужасом.

Кажется, Хейли только сейчас поняла, что собирается сделать. Интересно, она убежит или останется и воздержится? Я молчу. Пусть сама разбирается. Глубокий вдох и фраза:

– Я готова.

Сделав первую затяжку, она давится. В какой-то момент начинает казаться, что еще чуть-чуть, и она задохнется от кашля. Но этого не происходит. Придя в себя, она смотрит по сторонам. Ее щеки горят, зрачки расширены.

– Ну как? – спрашиваю я.

– Это ужасно, – признается она.

– Ты просто подавилась.

– Со скольких лет ты этим занимаешься? – интересуется Хейли.

Почему-то сказать ей правду мне неудобно, ведь употреблять травку я начал довольно рано, однако зависимости у ме-

ня нет. Когда-то давно я попробовал кое-что потяжелее, но сразу же с этим завязал. Ловить от такого кайф могут только законченные придурки.

– Началось все настолько рано, что даже говорить не хочется, – нахмурившись, отвечаю я. Это все, что она от меня услышит.

– Упоминать подробности ты не станешь, я правильно поняла? – Я киваю. Просто киваю. Она все прекрасно поняла.

Нас окликает Дез.

– Мы собираемся на пляж. Вы с нами? – спрашивает он.

Смотрю на Хейли. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: она хочет, но не решается. Ее глаза азартно блестят.

– Ты не должна бояться, – шепчу я.

Она тут же переводит взгляд на меня.

– Почему ты думаешь, что я боюсь?

Я пожимаю плечами:

– Может, я хорошо разбираюсь в тех людях, которые похожи на меня?

– А с чего ты решил, что мы похожи?

Я опускаю голову и издаю смешок. Скоро Хейли сама все поймет.

Дез по-прежнему ждет ответа. Но не моего, а Хейли. Он знает, что я направлюсь за братьями в прямом смысле этого слова, куда бы они ни последовали. Пусть я не близок с Ником и Джаредом, это не значит, что я их не люблю и не ценю. Они мне дороги практически так же, как и Дез.

Спустя минуту Хейли все-таки соглашается. Дез одобрительно улыбается, но вмиг забывает о нашем существовании, когда к нему подкрадывается Нелли и обнимает за шею. Они опять вместе? Если так, то я рад за них. Но это не значит, что мое отношение к Нелли стало лучше. Она кинула моего друга. Променяла его на другого. Такое нельзя простить.

Все рассаживаются по машинам. Хейли я заставляю ехать со мной. Не хочу, чтобы она села к другому и наблюдала за тем, как влюбленные парочки лапают друг друга. Конечно, есть еще Джаред, но этот парень вгонит ее в краску и поставит в неловкое положение. В последнее время Джаред слишком груб.

Я никак не решаюсь сказать ребятам, что мне надоело ограничиваться одним пляжем во время наших вылазок. В Нью-Йорке куча мест, где можно потусоваться. Но нет же, мы гуляем только по пляжу.

Хейли без спроса тянется к магнитоле. Я не возражаю, но все же. Она начинает переключать каналы и останавливается, когда по салону разносится голос Ионы Марэ. Участника одной группы.

– «Why don't we»?[2] Серьезно? – спрашиваю я, ухмыльнувшись.

– Они классные, – громко возражает она, а потом добавляет: – В отличие от тебя.

– «Nobody Gotta Know»! – кричу я вместе с группой на-

---

[2] Американская поп-группа.

звание песни.

– Боже, у тебя ужасный голос, – смеясь, говорит Хейли.

– Тебе нравится эта песня?

– Люблю эту группу, – кивает она.

– Ладно, прибавим звука.

Салон наполняется оглушительными басами. Должен признать, что композиция хороша, особенно с такой акустикой. Я не фанат мальчишеских бэндов, но у этих парней довольно крутые голоса. Да и что тут скрывать, они многого добились в таком юном возрасте.

Доезжаем мы под их песни «Nobody gotta know», «Something Different», «Taking you». Когда я тяну руку к магнитоле, Хейли бьет по ней кулаком, и спустя время я перестаю пытаться включить то, что нравится мне.

Остановившись на парковке, я выключаю музыку и выхожу. Хейли следует за мной. Джаред, который припарковал машину рядом, подходит к своему багажнику и, открыв его, достает упаковку пива.

– Что за попса орала из твоих колонок на весь город? – спрашивает Ник.

Обернувшись, я вижу, как он подходит к нам, держа Амелию за руку.

– Хейли нравится эта группа, – объясняю я, водружая ящик себе на плечо.

– С каких пор ты разрешаешь бабам трогать свою магнитолу? – фыркает в ответ Ник.

Хейли напрягается, краснеет и опускает голову. Мне хочется его убить. Я ненавижу, когда девушек ставят в неловкое положение в моем присутствии.

– Прости, крошка, иногда я не фильтрую базар, – искренне извиняется Ник, заметив, что Хейли съежилась.

– Ничего страшного, – чуть ли не пищит она, все так же разглядывая свою обувь.

Закинув свободную руку ей на плечо, я говорю:

– Идем. Мы будем ждать вас на месте!

Подойдя к деревяшкам, которые заменяют нам лавочки, я спрашиваю у Хейли, все ли в порядке. Она утверждает, что все хорошо, но я ощущаю ее скованность. Как бы сильно ей ни хотелось побыть в нашей компании, это не значит, что она не сомневается в себе и не думает, что правильнее было бы свалить отсюда к чертям.

– Может, ты хочешь поехать куда-нибудь? Я могу свозить тебя в места, которые ты не посещаешь, потому что твои друзья считают их недостойными.

Слишком много слов, Блейн! Закрой пасть и ограничься короткими ответами. Делай вид, что тебе на нее пофиг. Отчасти так и есть, но я терпеть не могу неуверенных в себе девушек.

– Нет, я не хочу, чтобы ты из-за меня не смог нормально повеселиться с друзьями. В случае чего я всегда могу вызвать такси и поехать в общежитие, – отвечает она, поджимая губы и засовывая руки в задние карманы джинсов.

– Как хочешь, – пожимаю плечами я и ставлю упаковку с пивом на землю.

Нас догоняют парни, и среди них я замечаю незнакомца. Но, как только они подходят достаточно близко, в свете уличных фонарей я узнаю его лицо.

– Блейн! – улыбается парень, и я просто не могу не ответить взаимностью.

– Дэмиен!

Мы крепко обнимаемся.

– Рад тебя видеть, – говорит он, отстраняясь. – Как хорошо, что я проходил мимо пляжа и наткнулся на вас, ребята. Мы не виделись целую вечно… Эй, а что это за киска? – вдруг спрашивает он, заметив Хейли.

Таких девушек надо оберегать от таких парней. Мне нравится Дэмиен, он наш близкий друг. Но нет, Хейли он не получит, как и других девчонок, с которыми я знаком.

– Ее зовут Хейли, – хмыкает Дез, протягивая руку Хейли, и, схватив ее за талию, притягивает к себе. Да, он тоже не позволит Дэмиену играть с ней.

Дэмиен рассматривает ее слишком долго. Я пихаю его в бок, перетягивая внимание на себя. Ничего не имею против того, чтобы он пялился на девчонок, но только не на такую, как Хейли. Она краснеет словно рак из-за каждой мелочи, а меня это раздражает. Дэмиен кидает на меня взгляд и ухмыляется.

Дэмиену Даггеру двадцать два, его выперли из универси-

тета за хулиганство. Учился он превосходно, но ставить универ на уши у него получалось лучше. Его фишка – раскидывание использованных презервативов по коридору. Руководство долго искало наглеца, творившего такой беспредел. И в итоге нашло.

Но Дэмиен без универа не пропал. Сейчас он работает с отцом и через пару годиков займет его место в бизнесе.

– Красивое имя, – говорит он Хейли и широко, я бы даже сказал – обольстительно, улыбается. – Приятно познакомиться.

– Мне тоже, – тихо отвечает она и опускает голову.

Нет, это не дело. Надо что-то делать. Растормошить ее как-то, не знаю.

После знакомства мы рассаживаемся и открываем пиво. Я не пытаюсь участвовать в разговоре. Вместо этого я просто попиваю холодный напиток, глядя на океан. Мне скучно здесь. Надоел океан. В какой раз я это говорю?

Хейли сидит рядом. Я её не приглашал, она сама опустилась на пенек. Наверное, ей комфортнее со мной, чем с кем-то из присутствующих. Быть может, если бы рядом с Дезом не было Нелли, Хейли бы выбрала его.

– Ты точно не хочешь свалить? – снова спрашиваю я, и она опять качает головой.

Потом вдруг интересуется, резко подняв голову:

– А ты?

– Я бы с удовольствием уехал отсюда, – признаюсь я. За-

чем лгать?

– Тогда что тебе мешает?

Её глаза такие большие. Они блестят от влаги. Я видел много глаз. Но мне ни разу не попадались такие, как у Хейли. Они наполнены печалью и жизнью одновременно. Они завораживают не хуже, чем полная луна, наполненная непроглядной тьмой. В такие глаза можно смотреть вечно.

Я поднимаюсь и протягиваю ей руку. Ребята умолкают, глядя на нас с любопытством.

Поставив почти полную бутылку на пень, я говорю:

– Отвезу Хейли в общежитие.

Вот и все. Коротко. Без подробностей. Друзья знают, что в некоторых ситуациях я немногословен.

Положив руку на спину Хейли, я подталкиваю её в сторону парковки, чтобы она шла быстрее. Мне надо выбраться отсюда. Бесит это место. И Дэмиен тоже бесит. Его взгляды на Хейли были полны похоти и вожделения. Я очень надеюсь, что Хейли их не замечала. Но сейчас уже все позади, и я могу выдохнуть с облегчением.

Выезжая, я бросаю взгляд на место, где сидят ребята. Темно, но я все равно могу различить, кто есть кто. Разглядев Дэмиена, я поднимаю руку и показываю ему в спину средний палец.

– Он тебя все равно не увидит, – говорит Хейли.

Ее голос снова обрел силу и твердость. Это радует.

– И все же мне легче.

– Вы так тепло приветствовали друг друга, и ты так холодно прощаешься с ним. В чем же дело?

– Мне кажется, или ты задаешь много вопросов?

– Это мой первый вопрос за долгое время. Поэтому, тебе кажется, – без запинки парирует она.

Покачав головой, я размышляю, куда можно заехать. Спустя минуту я отчаиваюсь и советуюсь с Хейли. Она говорит, что ни разу не была в лучшем ночном клубе – «Нью-Йорке», и я незамедлительно поворачиваю в его направлении.

К клубам я равнодушен. Что есть, что нет, так скажем. Но сейчас я не против такого времяпрепровождения.

Однако клуб закрыт на ремонт. Я вижу печаль на лице Хейли, когда поворачиваюсь к ней. Неужели ей было так важно сюда попасть, раз она так расстроилась? Мне хочется что-нибудь сделать. Убрать печаль с ее лица. Не хочу, чтобы люди грустили при мне. Мне и своей тоски вполне хватает.

Оглядываясь по сторонам, я вдруг вспоминаю одно место, в котором мне очень нравится бывать, когда надо подумать, собраться с мыслями.

Взяв Хейли за руку, я подвожу ее к двери переднего сиденья. Открыв ее, жестом прошу забраться внутрь. Она молча подчиняется. Захлопнув дверь, обхожу машину и сажусь за руль.

Ехать долго, поэтому я тянусь к магнитоле прежде, чем это сделает Хейли. По салону раздается спокойный кавер The Weeknd «Drunk in Love». Хейли молчит, значит, не про-

тив.

Дорога пуста. Я в сотый раз пытаюсь понять, что, блин, творю. Зачем я везу Хейли в место, о котором никто не знает, даже мои лучшие друзья? Почему, увидев закрытый клуб, я не повез ее домой?

– Оригинал ведь поет Бейонсе? – вдруг спрашивает она. Я киваю, зная, что она сейчас смотрит на меня. – Включишь? Он мне больше нравится.

Я не возражаю. Теперь по салону разливается глубокий женский голос. Надеюсь, моя девушка будет обладать такой же фигурой, как у Бейонсе. Уверен, за задницу, как у звезды, девушки отдадут что угодно.

Ладно, хватит об этом.

Мы подъезжаем. Я выключаю музыку и смотрю за лобовое стекло, не спеша выходить. Вид на заброшенный гипермаркет завораживает. Повернув голову, я наблюдаю за реакцией Хейли. Она хмурится.

– Ты приехал сюда, чтобы задушить меня? – интересуется она.

– Неудачная шутка, – говорю я и хватаюсь за дверь, – выходи.

Когда мы оказываемся на улице, я снова беру Хейли за руку, чтобы она не споткнулась в темноте. С заброшенным магазином соседствует приют. Он тоже пуст. В этом маленьком районе почти все здания покинуты и покрыты мхом.

Мы направляемся к входу в гипермаркет. У двери я вы-

пускаю ладонь Хейли и хватаюсь за ручку, чтобы отодвинуть пластиковую дверь. Раньше она отодвигалась автоматически.

– Надеюсь, это не тот район, в котором произошла стрельба? – интересуется она.

Я поворачиваюсь к ней и коротко отвечаю, облизнув верхнюю губу:

– Тот.

– Ох, черт!

Когда путь наконец-то свободен, я пропускаю спутницу вперед. Хейли не спешит заходить. Вместо этого смотрит на меня недоверчиво. Но все же спустя несколько секунд делает шаг.

Она осматривается, но, естественно, ничего не видит. Я достаю телефон и, включив фонарик, прокладываю дорогу к выключателю.

– Откуда здесь свет? – спрашивает Хейли, когда тот загорается, окутывая все помещение.

– Я установил.

– Ты здесь часто тусуешься?

– В последнее время нет, а так довольно часто, чтобы нужен был свет.

Я уверен, что на языке у неё вертится вопрос: зачем ты меня сюда привёл? Поэтому я отвечаю на него прежде, чем она задаст его вслух.

– Так как клуб закрыт, а ты наверняка не желаешь пока

возвращаться в общежитие, я решил, что тебе, может быть, будет так же уютно в этом гипермаркете, как и мне. Надеюсь, тебя не смущает, что здесь немного грязно? Мы можем уйти.

– Нет-нет, все нормально. Просто немного… жутко, – признаётся она и обхватывает себя за плечи так, словно ей очень холодно.

– Замерзла?

– Немного. Здесь сквозняк.

Я снимаю ветровку и накидываю ей на плечи. Она не отказывается, благодарит. Оставшись в одной футболке, я не ощущаю холода. Все это время мне было жарко, ведь я привёл в своё тайное место девчонку.

– Идем, – слишком резко говорю я, но извиняться за свой тон не спешу.

Мы петляем между пустыми, кое-где поломанными прилавками. Я впереди, Хейли семенит сзади. Я включаю эскалатор, который ведёт на крышу, где раньше был ресторан.

– Он работает? – удивляется Хейли.

– Я починил.

– Врешь.

– Нет. Мне потребовалось три месяца, чтобы разобраться в конструкции.

– Зачем это тебе?

– На нем прикольно кататься, помогает думать, – отвечаю я и становлюсь на первую ступеньку. Она сразу же несёт меня ввысь. – Не бойся, я сделал так, чтобы он ехал вверх и вниз.

– Ты серьёзно? Как у тебя получилось?

– Я же говорю, изучал его три месяца, – кричу я сверху, а потом эскалатор медленно везет меня обратно.

Приблизившись к Хейли, я хватаю её за руку. Она вскрикивает от неожиданности. Теперь мы едем вместе. Крепко держа девушку за талию, чтобы она не потеряла равновесие, я присаживаюсь на ступеньку и тяну Хейли за собой. Она молчит какое-то время, а после спрашивает:

– Почему здесь была стрельба?

– Ты не знаешь? – задаю я встречный вопрос.

Хейли качает головой:

– Я слышала про неё. Но мне неизвестна причина.

– Здесь сразу в трёх местах прогремели взрывы, а потом ворвались какие-то люди и открыли стрельбу.

– Почему именно в этом районе?

– Полиция успела оккупировать остальную часть города. А здесь находится въезд в Нью-Йорк. О нем мало кто знает, потому что это место никогда не пользовалось популярностью.

– Почему тебе тут так нравится?

Мне кажется, или она действительно задаёт слишком много вопросов?

– Потому что здесь безлюдно, а я люблю одиночество.

– Почему?

Маленькая почемучка!

– Потому что одиночество не причиняет боль.

– Зато оно сжирает, – тут же говорит Хейли.

– В каком смысле?

– Прямом. Одиночество опустошает.

– Оно делает человека сильным.

– С чего ты взял? – выгнув бровь, смотрит она на меня.

И снова: мне кажется, или наш разговор зашёл не в то русло?

– Когда человек одинок, он приспосабливается ко всему, учится добиваться всего без чужой помощи. Одинокий человек полагается только на себя.

– Можно быть не одиноким, но все равно обходиться без чужой помощи.

Я машу рукой:

– У каждого свое мнение на этот счёт.

– Может быть.

Тишина опустилась на гипермаркет. Я смотрю вперёд, Хейли тоже. Молчим. О чем ещё можно поговорить? Даже если мы чем-то похожи, это не значит, что у нас есть много тем для обсуждения.

Я поглаживаю кожаный браслет на запястье, потом мне это надоедает, и притрагиваюсь к цепочке на шее. Нет, так дело не пойдёт, надо завязать диалог, не то даже я впервые за долгое время почувствую неловкость.

Мама говорит, если ты не знаешь, что спросить у девушки на свидании (хоть мы сейчас и не на нем), спроси о её любимых цветах. Узнай, какие ей нравятся больше всего.

– Какие цветы ты любишь? – интересуюсь я.

– Лизиантусы.

– Впервые слышу.

Хейли достаёт телефон, что-то в нем ищет, а после показывает мне экран. На нем картинка с цветами, чем-то похожими на розы. Цветы довольно незатейливые, они напоминают саму Хейли. Наверное, тем, что она такая же простая. По крайней мере, сейчас, этой ночью.

– Они… красивые, – говорю я.

– Какой твой любимый цвет? – спрашивает она, засовывая телефон обратно в карман.

– Чёрный.

– Почему?

– Теперь ты официально стала не просто салагой, но еще и почемучкой! – дразню её я. – Чёрный – цвет мрака, тьмы, ночи.

– Любишь мрак?

– Обожаю.

– Я тоже, – к моему удивлению, отвечает она. Я смотрю на неё недоверчиво. Заметив мой взгляд, она фыркает: – Я серьёзно! Разве по мне не видно?

Я медленно и нескромно осматриваю её с головы до ног.

– Сегодня ты выглядишь лучше, чем когда впервые приехала к Дезу.

– Для тебя старалась, – саркастично отвечает она.

– Мне приятно, – слегка улыбаясь, я кладу руку на сердце.

Хейли снова фыркает.

Следующие полчаса мы катаемся на эскалаторах, носимся друг за другом по магазину. Ломаем доски прогнивших прилавков и играючи деремся ими. Хейли смеётся во все горло, я иногда тоже. Я впервые чувствую себя так легко и свободно, и в какой-то момент меня это удивляет. Мне уютно в компании Хейли.

– Лови! – кричит она и бросает мне банку консервов. Упаковка грязная и липкая, сморщившись, кидаю ее в сторону.

– Где ты её нашла? – подойдя к Хейли, спрашиваю я.

– А, на полке стояла.

Проверяю время в телефоне.

– Нам пора. Я заметил, что после трёх часов ночи сюда приходят всякие отбросы типа наркоманов, насильников, возможно, даже маньяков.

– Правда, что ли? – интересуется Хейли, шокированно смотря на меня. Я киваю. – Ладно, идём.

Когда мы выходим из гипермаркета, я снова задвигаю дверь и бегу за Хейли, которая торопится к машине. Видимо, я её слишком сильно напугал.

В пути я не перестаю думать о том, что произошло в магазине. Мне никогда не было так свободно в компании девушки. Если бы мне предложили провести с ней ещё денек, я бы не отказался. Что-то необычное есть в Хейли. Может быть, дело в ее скрытности, а может, она просто не пытается произвести на меня впечатление.

Оттенок седьмой

Хейли

– На вас поступила жалоба, мисс Фейз, – говорит мне миссис Денвурт – самый главный и самый неприятный человек нашего университета.

Сидя на жестком стуле, я пытаюсь понять, что происходит. На меня никогда не поступало жалоб, я пыталась быть идеальной студенткой. Мне важно, что обо мне думают профессора, и я всегда стараюсь завоевать их симпатию, расположить их к себе.

Так что же произошло? Где я успела налажать?

– Какая жалоба? – неуверенно спрашиваю я. Мои коленки дрожат.

– От Ланы, вашей соседки, – спокойно отвечает она.

– От Ланы? – Мои глаза расширяются.

Это шутка? Я ведь ничего плохого ей не сделала, что могло случиться?

– Вы не ослышались, мисс Фейз. Речь идет о вещах, за которые мы выселяем студентов из общежития. Вам перечислить их, или вы сами знаете, что на этом листке? – спрашивает она, подняв белую бумажку.

Сжав кулаки под столом, я отвечаю:

– Перечислите.

– Наркотики в виде марихуаны, таблетки, алкоголь и бесчисленное количество парней. Также рукоприкладство…

Дальше я уже не слышу, потому что погружаюсь в раздумья. Все это похоже на бред. Мы с Ланой живем вместе с самого начала, и, несмотря на наше холодное отношение друг к другу, мы все равно ладили, а в последнее время даже начали больше общаться. Это какое-то недоразумение. Она не могла написать все это, не могла написать жалобу.

– …Лана предъявила доказательства, – завершает миссис Денвурт, а я выхожу из оцепенения.

– Доказательства?

– Под матрасом вашей кровати найден пакетик с марихуаной и наркотическими таблетками, а также бутылка виски. С отпечатками ваших пальцев.

Меня трясёт все сильнее. Голова кружится, перед глазами все расплывается. Я пытаюсь понять, как там оказались мои отпечатки. Но мозг не хочет переваривать информацию, вместо этого он трещит по швам.

Я начинаю потирать виски, чтобы хоть немного притупить боль.

– Вы должны освободить комнату до полуночи, – говорит она.

– Но как? Вы же… Но вы же… – Я не могу ничего ответить и сдерживать слезы тоже не получается. Они стекают с моих щек и собираются на подбородке, после чего падают

мне на руку.

– Ты знаешь правила, Хейли, – говорит миссис Денвурт, как мне кажется, мягче.

– Вам никогда не бывает жаль! – рычу я и пулей вылетаю из кабинета, на ходу поправляя рюкзак на плече.

Отчаяние и ярость заполняют каждую клеточку тела. Я хватаюсь за волосы и рыдаю, направляясь к выходу из университета. Счастье, что меня не исключили.

Что мне теперь делать? Нет, я, конечно, понимаю, что я могу поселиться у матери. Но это будет означать полную утрату свободы, я лишусь последних капель жизни. Никакого личного пространства. Я сойду с ума, и мы с мамой поменяемся местами.

У меня есть счет, унаследованный от отца. Я могу снять квартиру, денег хватит на полгода точно. Но нет, это непозволительно. В следующем году я собираюсь положить маму в хороший лечебный центр на полгода, чтобы она вернулась ко мне свежей и здоровой.

Выйдя на улицу, я падаю на скамейку и, запустив руки в волосы, плачу и плачу, и плачу. С каждой слезой становится легче. Я не держу все в себе, я рыдаю из-за отца, из-за матери, из-за своей паршивой жизни, из-за того, что лишилась своего убежища. Комната в общежитии была моим спасением.

Где-то вдали загрохотал гром, запахло дождем. Мне стало легче, скоро плакать буду не только я, но и небо. Откинув

голову на спинку скамейки, я смотрю наверх. Туда, где пролетают птицы, свободные и, возможно, счастливые.

На щеку падает крупная капля. Я жмурюсь от неожиданности, а затем снова открываю глаза. Капля стекает с лица, по шее и останавливается в ложбинке на груди.

Прежде чем отправиться в общежитие и дать хорошего леща Лане, я пытаюсь хоть немного успокоиться. Если побегу сейчас туда, то устрою драку, а с учетом того, что я занималась когда-то боксом, добром мое рукоприкладство не закончится.

Рукоприкладство… Серьезно, Лана? Больше ничего оригинального тебе в голову не пришло?

Я качаю головой и вновь ее опускаю. Может, позвонить Заку и Рамоне? Уверена, они меня поддержат. Но хочу ли я, чтобы они мне помогали? Не придется ли потом расплачиваться за их помощь? Не напомнят ли они мне о ней в плохой час?

Что за бред, Хейли? Они – твоя семья. Но тут же всплывает: даже в семье бывают предатели. Даже в семье бывают те, кто тайно тебя ненавидит.

Если сейчас Зак и Рамона любят меня, это не значит, что они продолжат это делать, когда узнают, что я была с Блейном, что я играю за две команды.

Блейн…

Сегодня четверг, но Лана сказала утром, что он не придет, у него какие-то дела. Я рада, что он не увидит меня в ярости

и не станет свидетелем того, как я буду кричать на Лану.

Еще одной жалобы мне не надо.

– Хейли? – слышится женский голос где-то неподалеку. Я поворачиваю голову и вижу Амелию. – Боже, что с тобой?! – увидев мое лицо, спрашивает она и быстрым шагом направляется к скамейке, после чего опускается рядом, кладя руку мне на плечо.

– Все в порядке, – вру я.

– Нет, не в порядке, ты плакала.

– Просто, много всего навалилось в последнее время, – пожимаю плечами я, не желая говорить малознакомому человеку о своих проблемах.

Амелия ничего не говорит. Она поджимает губу и сочувствующе смотрит на меня, чем вызывает раздражение, потому что я не люблю, когда люди жалеют меня. К моему удивлению, Амелия меня обнимает. От нее приятно пахнет карамелью. Ее искренний жест заставляет меня снова разрыдаться.

Отстранившись, я вытираю слезы ладонью и поднимаюсь.

– Мне пора, – быстро говорю я и уже на ходу добавляю: – Спасибо!

Я мчусь в сторону общежития, спотыкаясь об камни. Надо найти себе место жительства до полуночи, чтобы не остаться на улице. Выбежав из университетского двора, я направляюсь в сторону пешеходного перехода и, не глядя на светофор, собираюсь перебежать дорогу.

Меня останавливает скрип шин. Я замираю на месте и смотрю на чёрную BMW Ника. Он сидит за рулём с широко раскрытыми глазами. Моё сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Ник меняется в лице. Теперь оно пылает яростью. Он выходит из машины и направляется ко мне.

– Какого хрена ты творишь, Хейли?! – кричит он, а из университетского двора выбегает Амелия.

Видимо, услышала шум и вопль Ника, который, кажется, разлетелся по всему Нью-Йорку.

– Что случилось? – спрашивает она, останавливаясь около Ника.

– Я чуть не сбил её! Она выбежала на красный!

– Прости… Я просто…

Просто что, Хейли? Не знаешь, что сказать. Разве ты сама себя не учила, что надо контролировать эмоции, несмотря на ситуацию? А вот теперь гляди, что получилось.

– Что – просто? – грубо требует Ник.

Я не виню его за злость, ведь сбить человека – не самая приятная вещь.

И тут я начинаю реветь. Навзрыд. Я подхожу к бордюру и опускаюсь на него. Закрываю ладонями лицо и рыдаю ещё сильнее.

Спустя какое-то время я чувствую на своих плечах руки.

– Что у тебя случилось? – теперь уже мягко спрашивает Ник.

Я качаю головой, отказываясь говорить.

– Хейли, – произносит Амелия, и я смотрю на неё, – скажи нам.

Сказать им? Но какой от этого толк? Проблема все равно не исчезнет, и мне не станет легче.

– Давай, – твёрдо говорит Ник.

Меня зажали в угол и не собираются отпускать, пока я все не объясню.

– Меня выгнали из общежития, – голос охрип от рыданий.

– За что?

Я начинаю пересказывать им диалог с миссис Денвурт.

Амелия охает и ахает, а Ник просто качает головой.

– Я не могу понять, зачем Лана это сделала, – заканчиваю я.

– А как же твоя мама? Дез рассказывал про нее, – говорит Ник.

Дез действительно разговаривал обо мне с «братьями»? Давно ли? И что ещё он мог им рассказать? Как мне на это реагировать?

– Я не могу с ней жить.

Я не могу лишиться последней капли свободы.

– Почему? – интересуется Ник.

– Просто не могу.

Кажется, он понял, что это тупик, поэтому никаких вопросов больше не задаёт. Вместо этого просто кивает.

Мы сидим некоторое время в тишине, а потом он вдруг произносит:

– В последнее время я живу в квартире, а комната в доме братства свободна. Можешь пожить там.

– А как же парни? – я даже не пытаюсь отказаться, мне больше нечего делать и некуда идти.

– Уверен, они не будут против. А Дез, возможно, будет рад такому повороту событий, – отвечает Ник и хмыкает.

Я не уточняю, что он имеет в виду. Я молчу. Они тоже. Что им сказать? Что они хотят от меня услышать? Что я с радостью соглашусь жить в мужском коллективе?

– Садись в машину, – резко произносит Ник и поднимается. – Мы поедем в дом братства прямо сейчас.

– Но мои вещи и предупредить парне…

– Хейли, вещи мы с Амелией заберем, не уверен, что в таком состоянии ты захочешь встретиться с Ланой лицом к лицу. А насчёт парней тебе переживать не стоит, они хоть и строптивые, но в положение войти могут.

– А это не против правил? – спрашиваю я, залезая в машину.

– Что ты имеешь в виду?

– Девушка в доме братства.

– Амелия жила там около месяца, и все нормально.

– Я жила там, потому что ты держал меня насильно. Но, Хейли, тебе действительно не стоит беспокоиться. Не буду врать, в доме есть придурки, но хороших парней там куда больше. – Амелия смотрит на меня и улыбается, я отвечаю ей взаимностью, но от её слов мне легче не становится.

Жизнь все-таки непредсказуема. Сейчас у тебя все хорошо, а завтра ты утопаешь в проблемах. Идя сегодня в университет и сидя на лекциях, я улыбалась и была спокойна. Кто же знал, что после занятий меня будет ждать такое дерьмо. И, чёрт, в самый неподходящий момент.

Я упираюсь лбом в водительское сиденье. Меня неожиданно накрывает усталость. Хочется спать. Мои глаза закрываются, а голоса Ника и Амелии становятся все более далекими.

* * *

Просыпаюсь я на большой кровати. Темноту едва рассеивает настольная лампа. Я снова закрываю глаза. Я вся липкая и мокрая. Мне приснился кошмар, что не удивительно. После произошедшего по ночам меня ожидают ужасы в стиле «Коллекционера»[3].

Я переворачиваюсь на спину. Кровать мягкая и удобная, и я не сразу понимаю, где нахожусь. Я плохо соображаю сразу после пробуждения.

Растерев сначала одно плечо, потом другое, я сажусь и опираюсь спиной на изголовье. Только после этого открываю глаза и тут же вскрикиваю.

– Дез, – тяжело дыша, выпаливаю я и прикладываю ладонь

---

[3] «Коллекционер» – фильм ужасов 2009 года.

к сердцу.

– Привет, – тихо говорит он, сидя на кушетке напротив кровати.

Не каждый парень поделится своей комнатой с неизвестной девушкой. Ник хороший, хоть и временами жёсткий.

– Сколько сейчас времени? – за окном полнейшая темень.

– Уже перевалило за полночь. Ты голодна?

– Кто перетащил меня в кровать?

– Ник. Нас всех дома в этот момент не было, – объясняет Дез.

Наверное, под словом «нас», он подразумевает «братьев».

– Простите, если доставила неудобства, – от стыда я опускаю голову.

– Успокойся, здесь давно не хватало женской силы. Так ты голодна?

– Немного, – признаюсь я, и в этот момент мой желудок раздает оглушающее бурчание.

– Оно и видно, – ухмыляется Дез, встает с кушетки, подходит ко мне и протягивает руку.

Мы минуем коридор, спускаемся по лестнице и выходим на освещенную кухню. Кто-то копошится в холодильнике. Меня передергивает, и я крепче хватаюсь за Деза.

– Дарил, – говорит он.

Незнакомец оборачивается.

– Привет, – улыбается он, а заметив меня, растягивает губы ещё сильнее. – Что за прелестное создание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.